

история / география / этнография

Василий Смирнов

Крымское ханство в XVII веке

Ломоносовъ
издательство

История. География. Этнография

Василий Смирнов

Крымское ханство в XVIII веке

Издательство «Ломоносовъ»

2014

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2)46

Смирнов В. Д.

Крымское ханство в XVIII веке / В. Д. Смирнов —
Издательство «Ломоносовъ», 2014 — (История. География.
Этнография)

Крымское ханство, осколок монгольского нашествия, едва обретя в XV веке независимость от Золотой Орды, уже через несколько лет стало вассалом Османской империи. Турки назначали и смещали крымских ханов, держали в Крыму гарнизоны, вовлекали крымских татар в свои военные предприятия. Два источника питали экономику ханства: набеги на окрестные земли и деньги, присылаемые из турецкой метрополии. Но по мере усиления России и дряхления Турции оба они стали иссякать. В последние десятилетия своего существования Крымское ханство неуклонно двигалось к потере даже той формальной независимости, которой обладало. О том, как происходил этот процесс, о судорожных попытках Турции удержать Крым в своей орбите и твердой воле Российской империи рассказывает книга Василия Смирнова. Василий Дмитриевич Смирнов (1846—1922) – тюрколог, автор важнейших работ по истории Турции, профессор Санкт-Петербургского университета, создатель самостоятельного османского направления в русской тюркологии.

УДК 94(47).06
ББК 63.3(2)46

© Смирнов В. Д., 2014

© Издательство
«Ломоносовъ», 2014

Содержание

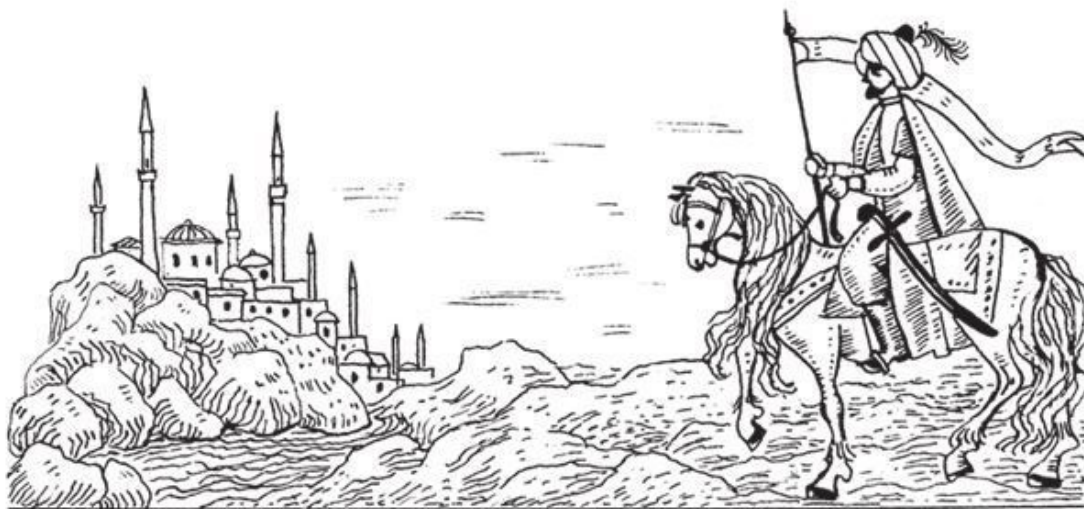
Глава I	6
Общее состояние Крымского ханства в начале XVIII века. – Соперничество из-за власти и раздоры между сыновьями Эльхадж-Селим-Герая I. – Ногайские волнения при Гази- Герай-хане III. – Неудачный поход Каплан-Герай-хана I в Черкесию и свержение его. – Враждебность Девлет-Герай-хана II к России. – Несчастный Прутский поход Петра Великого. – Судьба верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши и Карла XII	6
Глава II	18
Политические виды Каплан-Герай-хана I. – Мятежи Бахты- Герая в Черкесии и бунт янычарского гарнизона в Азове. – Вынужденная потачка Порты крымцам, отвергшим Кара- Девлет-Герая III. – Неладья Сеадет-Герай-хана III с крымской знатью, стоявшие ему трона. – Политическая программа Менглы-Герай-хана II. – Вражда двух сильных партий в Крыму, во главе которых стояли Мердан-Али-ага и Джан- Тимур-мирза. – Приговор Абу-с-Сууда-эфенди и казнь Абду- с-Самада-эфенди. – Мятеж ногайцев под предводительством Аадиль-Герая и усмирение их. – Внутреннее управление Менглы-Герай-хана II и падение его	18
Глава III	28
Возвращение крымских эмигрантов с воцарением Каплан- Герая I. – Каплан-Герай на совете сановников Порты. – Донесения Неплюева своему правительству. – Татарские вспомогательные войска в персидской кампании турок. – Русское вторжение в Крым. – Размышления по этому поводу одного татарского шейха. – Повествования татарских и турецких историков о нашествии русских. – Удачные набеги Фэтх-Герай-хана II. – Вторичное вторжение русских в Крым и произведенные ими там опустошения. – Кяхья верховного везира Осман-ага в роли дипломата. – Вторичное ханствование Менглы-Герая II и его политические соображения	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

В. Д. Смирнов

Крымское ханство в XVIII веке

Глава I

Общее состояние Крымского ханства в начале XVIII века. – Соперничество из-за власти и раздоры между сыновьями Эльхадж-Селим-Герая I. – Ногайские волнения при Гази-Герай-хане III. – Неудачный поход Каплан-Герай-хана I в Черкесию и свержение его. – Враждебность Девлет-Герай-хана II к России. – Несчастный Прутский поход Петра Великого. – Судьба верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши и Карла XII

С началом восемнадцатого века для Крымского ханства наступила новая эпоха политического существования. Некогда страшное и надоедливое для русских, оно теперь утратило свое устрашающее значение с возрастанием и утверждением военного могущества России со времени Петра Великого. Перестав служить полезным орудием для военных походов Турции, которой теперь самой обрезаны были крылья формальными международными трактатами, крымские татары фактически были предоставлены собственной участи, и только разве гонор заставлял государственных сановников Порты время от времени указывать другим державам на ее верховенство над Крымской областью, неминуемость отпадения которой становилась очевидной для всех мало-мальски сообразительных и дальновидных людей.

Утрата же верховного покровительства Порты не сулила Крымскому ханству надежд и на полную самостоятельность вследствие близости соседства с могущественной Российской империей: для этого не было ни сил, ни средств у крымских татар. Буйно прожитые их

предками два века пропали даром для внутреннего развития и для упрочения международного положения их государства. В грядущем ему предстояло все большее и большее падение и окончательный переход под власть другой державы.

Такая участь, которая готовилась Крымскому ханству, точно отобразилась в одном факте, предшествовавшем смерти последнего в прошлом периоде хана Эльхадж-Селим-Герая I, четыре раза восходившего на ханский трон и стяжавшего себе общую любовь и уважение как среди своих подданных, так и у властительных лиц Турции. Когда этот старик, простудившись на загородной даче Ашлама-Бакче, возвращался для перемены воздуха и для лечения в Бакче-Сарай, спокойно развалившись на подушках в своей царской телеге, то неподалеку от города ни с того ни с сего вдруг с правой стороны упал огромный камень, оторвавшись от тысячелетней скалы, и загородил путь, страшно напугав хана грохотом своего падения. Тогдашние мудрецы крымские истолковали этот обвал как предзнаменование скорого заката «блиставшей лучами правды и справедливости луны в пределах Крыма», то есть близкой кончины любимого хана. Предзнаменование не замедлило осуществиться. Селим-Герай-хан I умер 24 шабана 1116 года (22 декабря 1704). Но с этим умным правителем умерли, можно сказать, и надежды на что-нибудь благое в грядущей жизни его подданных, и, таким образом, необычайное приключение обвала по случайному стечению обстоятельств сделалось предзнаменованием роковой судьбы их обоих – и хана, и подвластного ему народа.

Когда совершены были все обряды похорон покойного хана и траура по нему, крымские аяны (вельможи) составили по старинному обычаю совет о том, чтобы заявить свои желания насчет выбора нового хана. Большинство питало расположение к старшему сыну умершего хана Девлет-Герая. В этом смысле и составила народная депутация из трех лиц – Абду-ль-Баки из корпорации капы-кулу¹, Муртазамурзы из эмиров Ширинских и Абду-ль-Азизар-эфенди из крымских улемов. Им вручили петицию и послали в Порту ходатайствовать о назначении ханом сидевшего в Родосе Девлет-Герая. Один из братьев его, Каплан-Герай, с виду одобрявший этот выбор крымской знати, на самом деле сам зарился на ханский трон, как это явствовало из высказанного им мнения, что ханом надлежит быть тому из рода Селимова, кто ни разу не запятнал себя грязью мятежа, чем ясно намекалось на Девлет-Герая и Гази-Герая, как не отвечавших данному условию. Единомышленник Каплан-Герая, брат его Менглы-Герай, тоже вождевший отвратить «халвы властительства» и рассчитывавший на протекцию сераскера Юсуфпаши², отправил гонца хлопотать о предоставлении ханского достоинства ему. Крымский вельможа Бегадыр-ага пытался провести кандидатуру своего родственника Сафа-Герая. Одним словом, по свидетельству Сейид-Мухаммед-Ризы³, «всякий из потомков Чингизовых, кто только питал какую-нибудь надежду, пускал в ход разные средства, чтобы добиться ханского звания; но жребий пал на того, который менее других хлопотал и положился на волю Божию, а именно на Гази-Герая». Третьего числа месяца рамазана того же 1116 года, то есть 30 декабря 1704 года, обычная ханская инвеститура была препровождена из Порты к Гази-Герая, который со всей крымско-татарской знатью выехал из Бакче-Сарая навстречу турецкому посланцу, везшему высочайшую султанскую грамоту и регалии.

¹ Капы-кулу, капыкулу – изначальное значение: элитная тяжелая османская конница, как правило, состоявшая из представителей знати; позже словом «капыкулу» стали обозначать знать вообще, в Крыму это было общее название приближенных хана.

² Юсуф-паша, Черкес-Юсуф-паша – командующий войсками на северной границе Порты, осуществлял по поручению султана дипломатические сношения с Россией, Польшей и Швецией.

³ Сейид Мухаммед Риза (ум. 1756) – турецкий историк, был главой потомков пророка Мухаммеда в Стамбуле. Автор исторического сочинения «Ас-саб ас-сийар фи ахбар-и мулук-и татар» («Семь планет в известиях о татарских царях»), содержащего историю правления семи крымских ханов с 1445 до 1737 год. Это сочинение – один из важнейших источников, используемых В. Д. Смирновым.

Но благополучное с внешней, формальной стороны воцарение Гази-Герая III (1116 – 1119; 1704 – 1707) еще не гарантировало дальнейшего благополучия царствования его: искры внутреннего раздора продолжали тлеть в золе испепелившегося в предыдущую эпоху государственного здания и при первом благоприятном случае готовы были вспыхнуть новым пламенем. Уже в конце 1117 года (март 1706) в ханской столице показалась чума. Хан, чтобы рассеяться, выехал на охоту в окрестности Гёзлевэ (Евпатория). Этим воспользовались буджакско-ногайские мурзы Кутлук-Тимур и Картмурза и повели интригу об освобождении ногайцев от подчинения хану. Им оказал свое содействие и Юсуф-паша. Тем не менее кляуза буджакских татар была отвергнута Портою, а еще, напротив, издан был фирман о том, чтобы все дела жителей задунайских ведались ханом Крымским.

Но такое оказанное на первых порах Гази-Герая доверие еще не было надежным ручательством за прочность его положения. Начавшиеся обрушиваться над Портою несчастья не образумили вовремя ее деятелей: в ней продолжал по-прежнему царить дух интриги, продажности и анархии в правившем классе. Оттого-то, когда в мухарреме 1118 года (апрель 1706) к Гази-Герая явился ага с письмом, извещавшим о смене верховного везира Балтаджи-Мухаммед-паши⁴ и о назначении на его место Чорлулу-Али-паши⁵, хан поморщился от такой вести, зная о давних и сильных связях нового везира с Девлет-Гераям и не чувствуя ничего в этом для себя доброго, хотя, из приличия, наградил посланного, подарив ему семь невольников, а также послал с ним притворно-любезное письмо в Порту.

Предчувствие Гази-Герая не обманывало его: обстоятельства складывались не в его пользу. Нужно заметить, что теперь отношения Порты к Крыму приняли совершенно противоположную прежним форму. Пока турки чувствовали себя сильными и постоянно ввязывались в военные столкновения со своими европейскими соседями, Крым служил им постоянным резервом вспомогательных полчищ, облегчавших им своими опустошительными набегами борьбу с неприятелями. Поэтому, мы видели, султаны то и дело понукали ханов к постоянным сборам на войну и походам; ретивых в этом деле чествовали и ценили; уклонявшихся или неохотно отбывавших военную повинность недолюбливали и смещали. Теперь наступили другие времена. Карловицкий трактат⁶ был первым серьезным предостережением Порте на будущее время вести себя не так самонадеянно и высокомерно, как прежде. Неудачи в войнах с русскими показали ей, что путь мирных отношений будет для нее надежнее рискованных военных предприятий. И они, кажется, поняли этот урок: отрешение от должности и потом казнь верховного везира Дал-Табан-Мустафы-паши⁷ были сколько результатом интриги против него шейх-уль-исляма⁸, столько же и делом политических соображений, по которым чересчур воинственный дух садразама⁹ и проникнутая этим духом его политика были признаны не отвечающими требованиям того времени. Но турецкое общество не скоро могло свыкнуться с этими необходимыми ограничениями своего исконного самомнения. Янычары остались недовольны сменой воинственного везира и назначением

⁴ Балтаджи Мехмед-паша (1662 – 1712) – великий везир с декабря 1704 по май 1706 года и с августа 1710 по ноябрь 1711 года.

⁵ Чорлулу Дамат Али-паша (1670 – 1711) – великий везир с мая 1706 по июнь 1710 года.

⁶ Карловицкий мир – мирный договор, подписанный между Австрией, Речью Посполитой и Венецианской республикой с одной стороны и Османской империей с другой стороны 26 января 1699 года на конгрессе в Карловицах. По условиям договора к Австрии от Османской империи отходили Венгрия, Трансильвания и Тимишоара, Венецианская республика закрепила за собой полуостров Морея и Далмацию, Польша получила Правобережную Украину.

⁷ Далтабан Мехмед-паша – великий везир с сентября 1702 года, по происхождению серб; казнен в январе 1703 года.

⁸ Шейх-уль-ислам – в Османской империи титул главы мусульманской общины.

⁹ Садразам – титул великого везира.

на его место человека статского по преимуществу – Рами-паши¹⁰: под первым попавшимся предложением они подняли бунт, стоивший султану Мустафе II (1695 – 1703) трона.

То же в некотором смысле происходило и с крымцами. Они, можно сказать, были испорчены турецким сюзеренитетом. Как ни дики, ни грабительски были их природные инстинкты, но, предоставленные самим себе, татары под влиянием изменившихся обстоятельств непременно перешли бы к иному, чем прежде, образу жизни. Окончательное разобщение с коренным гнездом, давно уже утратившей свое могущество и павшей Золотой Ордой, постоянное мирное сношение с соседними европейцами мало-помалу отводило бы их от хищнических поползновений, и они бы сделались такими мирными обывателями-хозяевами своего клочка земли, какими их знавали в позднейшее время. Но турки в своих видах старались создать из крымцев поголовную разбойничью кавалерию, всякую минуту готовую идти куда угодно в набег. Постоянно давая такое занятие крымскому населению, турки уничтожили в нем стремление к мирной, трудовой жизни, приучив жить за счет добычи, награбленной во время набегов по турецкой надобности. Если татары, бывало, и отказывались от похода, то разве только сытая лень была тому побудительной причиной. Теперь же, когда даровому источнику их благосостояния сразу был положен предел международными порядками, они очутились, конечно, в самом безвыходном положении: работать не привыкли и не научились, а жить войною стало нельзя. Те же турки, которые прежде подстрекали татар к войне и набегам, теперь всеми мерами старались, в силу принятых на себя международных обязательств, удерживать их от всяких поползновений к грабительским вторжениям во владения соседних государств. Прежде ханы довольно часто были сменяемы за неподчинение приказаниям Порты относительно военных набегов на земли ее неприятелей. Теперь они стали еще чаще меняться, но уже за то, что не в силах были справиться с мятежными толпами своих подданных, беспрестанно волновавшихся, ища выхода из непривычного для них положения, созданного громадным усилением соседней России и международным ослаблением их сюзерена – Порты.

Так случилось прежде всего с Гази-Гераем. Он долго не царствовал. При нем ногайцы, кочевавшие близ Анапы, ринулись своей мятежной массой за Кубань, производя смуту и беспорядки среди черкесов. Хан поручает усмирение их своему калге¹¹, который с испокон века обязан был ведать дела черкесские. Лукавый Каплан-Герай, почему-то прежде страстно любивший воевать с черкесами, на этот раз счел нужным до поры до времени уклониться от возложенного на него поручения. Метя сам попасть в ханы, он, вероятно, понял, что эти волнения ногайцев рано или поздно послужат-таки причиной свержения Гази-Герая; а потому в своих же интересах не имел надобности стараться о подавлении этих волнений, открывавших ему путь к ханской власти; но только он это устроил благовидным образом, отыскав предлог удалиться в свою резиденцию Ак-Мечеть.

Между тем верховный везирь, задумав посадить на ханство опять приятеля своего Девлет-Герая, повел интригу против Гази-Герая и орудие для нее нашел в собственном ханском везире Мустафа-аге. От московского царя прислан был в Порту посол с жалобой на беспокорное поведение ногайцев и татар. Чорлулу-Али-паша и воспользовался этим случаем, чтобы сменить хана. Он сообщил заявление русского посла в рамазане 1118 года (декабрь 1706) ханскому везиру. Последний, прибыв в Порту, очернил пред самым султаном намерения и действия хана, которому и дана была отставка. Но только не удалось и Али-паше достигнуть своего: ханство было пожаловано не его другу-приятелю Девлет-Гераю, а калге Каплан-Гераю. Что это была чистая интрига, видно из неясности и неопределенности мотивов.

¹⁰ Рами Мехмед-паша – великий везирь в январе – августе 1703 года.

¹¹ Калга, калга-султан – титул второго по значимости после хана лица в иерархии Крымского ханства.

вов смены Гази-Герая, приводимых османскими историками. Ему указано было жить в Румелии¹² в Карын-Абаде, где он вскоре и умер от чумы.

У Сестренцевича-Богуша¹³ насчет Гази-Герая находятся только одни неточности – что будто он смнен за то, что «осмелился советовать Порте войну против России»; что «он уступил весьма спокойно свою корону Девлет-Герая» и что, наконец, он «удалился в Чингис-Серай, находившийся на один градус экватора от Царя-Града». В «Краткой истории»¹⁴ свержение Гази-Герая поставлено в какую-то связь с поражением и бегством шведского короля от русских, что, как известно, случилось позже. Впрочем, тут вообще как-то неясно сказано, чем повинен был в злосчастном приключении шведского короля хан Крымский, что его за это сменили. Даже год вступления Каплан-Герая на ханство тоже неверно означен – 1120 (1708 – 1709); в этот год хан как раз получил отставку.

Ханские регалии были вручены новому хану комендантом крепости Ени-Кале Абу-ль-Кавук Мухаммед-пашой, для чего Каплан-Герай специально туда ездил.

При таком очевидном и согласном свидетельстве турецких и крымских историков о том, что преемником Гази-Герая был Каплан-Герай, едва ли заслуживает какого-либо вероятия утверждение Сестренцевича-Богуша, что Гази-Герая наследовал Девлет-Герай, который успел даже оказать «духовное утешение» католикам, позволив им выстроить церковь в Бакче-Сарае и «в том же (то есть 1706) году, в котором он коронован, был свергнут с престола и сослан в Родос, а потом в Хиос». Гаммер¹⁵ тоже, по-видимому, разделяет ошибку Сестренцевича-Богуша, которому он делает упрек лишь только за то, что тот местом ссылки отставленного хана Гази-Герая называет Genghis Serai (?).

С воцарением Каплан-Герая последовала перемена в личном составе главнейших руководителей в ханстве, а именно: младший брат хана, Менглы-Герай, сделался калгой, другой, Максуд-Герай, нур-эд-дином¹⁶; атабек Мердан-Али-ага назначен векилем, то есть первым везирем ханства; из крымских улемов Ибрагим-эфенди-заде Мухаммед-эфенди сделан кады-эскером¹⁷, а шейх Муртаза получил должность муфти. В то же время отставной хан Гази-Герай был препровожден везирским агою в Балаклаву, посажен там на корабль, но, за противным ветром не смоги высадиться в Бургасе, выпросил позволение ехать сухим путем в Румелию, где он водворился близ Ямболу в Карын-Абаде и вскоре там умер от чумы. Новому хану Каплан-Герая I (1119 – 1120; 1707 – 1709) вначале как будто было высказано доверие Порты, ибо ему поручили освидетельствовать крепостные сооружения, произведенные в Ени-Кале. На эту ревизию хан отправился в джемазиу-ль-эввеле 1119 года (август

¹² Румелия – историческое название Балкан; восходит к арабскому названию Византии – Рум. Румелией называли обычно европейские владения Османской империи.

¹³ Станислав Богуш-Сестренцевич (1731 – 1826) – католический епископ, член Российской академии (1807), писатель, историк.

¹⁴ В своей докторской диссертации «Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII века» В. Д. Смирнов пишет: «Важное подспорье к “Семи планетам” составляет рукописная “История Крымского ханства” на турецком языке, которая предоставлена была в мое пользование многообязательным Исмаиль-мурзой Гаспринским, редактором газеты “Переводчик”, издаваемой им в Бакче-Сарае... Ни имени автора, ни переписчика, ни ясной даты нет; но, судя по внешнему виду, она может быть отнесена к концу прошлого столетия... В основании своем кодекс есть сокращенное изложение “Семи планет” Мухаммед-Ризы, на сочинение которого неизвестный автор делает неоднократные ссылки... но предпочтительность этого кодекса заключается в том, что пространные, переполненные нескончаемыми метафорами периоды “Семи планет, сплошь и рядом непередаваемые на русский язык, в этом кодексе заменены краткими и ясными по смыслу фразами, весьма легко передаваемыми по-русски... Независимо от этого в кодексе краткой истории встречаются факты или подробности, которых не находим в “Семи планетах”, и это придает ему значение самостоятельного источника: заметно, что автор, делая извлечение из “Семи планет”, пользовался в некоторых случаях и другими памятниками, которыми дополнял свое повествование... Мы будем называть эту рукопись “Краткой историей”».

¹⁵ Йозеф фон Гаммер-Пургшталь, Хаммер-Пургшталь (1774 – 1856) – австрийский востоковед и дипломат. В 1847 – 1849 годах президент Венской академии наук.

¹⁶ Нурэддин, нур-эд-дин – титул третьего по значимости после хана и калги лица в иерархии Крымского ханства.

¹⁷ Кадиаскер, кады-эскер – титул высшего судьи.

1707) и дорогой имел неприятное столкновение с мятежным мурзою Джан-Тимуром. Вскоре пошли у него нелады и с прочими мурзами, так что едва не дошло до кровопролития.

По мнению самого хана, причиной такого неудовольствия мурз против него были внешние подстрекательства, и потому он зорко следил за ссыльным братом своим Девлет-Гераем. Когда Девлет-Герай просил разрешения Порты оставить Родос и поселиться в Румелии и на просьбу его уже последовало султанское согласие, то Каплан-Герай, проведав об этом, поспешил заявить со своей стороны, что происходящие в Крыму волнения и беспокойства будто бы возникают чрез письма и внушения Девлет-Герая, а следовательно, водворение его в Румелии сделает его еще более опасным для спокойствия в ханстве. Инсинуация хана имела успех.

Но что погубило Каплан-Герая, так это неудачный поход его на черкесов. Стремление пожить богатым ясырем с них под предлогом мести за убийство Шегбаз-Герая и, главное, опасение потерять доход с откочевавших подальше кабардинцев в бездоходное время побуждали хана к осуществлению задуманного им похода. Сначала, еще в начале 1119 года (весной 1707) он отправил калгу своего Менглы-Герая уговорить черкесов вернуться в прежнее местожительство; но тот, пробыв там до зимы, вернулся без всякого толка. Тогда Каплан-Герай решился в следующую весну отправиться сам. С этой целью он составил совет важнейших мурз крымских, которые отклоняли его от похода, совершенно резонно выставляя на вид неумение татар владеть огнестрельным оружием, недостаток припасов и обременительность налогов на и без того бедный народ. Особливо были против военной затеи хана ширинский мир-лива¹⁸ Сары-Кадыр-Шаг-бек и Эльхадж-Джан-Тимур-мурза. Но хан пренебрег их советами. Разнесся в народе слух, что он собирался казнить Эльхадж-Джан-Тимура и его товарищей, и дело дошло бы непременно до бунта ширинских эмиров, если бы только упомянутый Кадыр-Шаг-бек да Гуледж-Абду-ль-Ла-эфенди своим посредничеством не помирили хана с мурзами. Тем не менее Каплан-Герай собрал огромную армию, завербовав по человеку с каждого дома, а с горожан взыскавши налог, известный под именем «капы-кулу», да еще присовокупив сюда орды ногайских племен, известных под прозвищем «детей трех матерей». Оттоманское же правительство, вероятно обрадовавшись случаю хоть чем-нибудь занять тяготившихся бездействием и лишь производивших мятежи и волнения крымцев, не только дало свое соизволение на предпринятый поход, но еще предписало кафе-скому¹⁹ бейлербею²⁰ Муртазапаше присоединиться со своим штабом к ханской кампании. Ближайшая цель похода была выжить кабардинцев из их нового поселения (автор «Краткой истории» определяет его на берегу реки Неджана²¹) и вернуть их на прежнее местожительство у Беш-Тау. Предприятие, однако же, имело плачевный исход. Сперва глава кабардинский Кургук-бек присылал к хану послов с предложением увеличения дани ясырем и драгоценными вещами с условием не трогать их. Но когда мирные предложения были отвергнуты, то несчастные черкесы прибегли к хитрости и произвели ночью внезапное нападение на ханский лагерь, перерезав тех, кто не успел спастись бегством.

Подробности этого события есть и у турецкого историка Рашида-эфенди²², но внутренний смысл факта более освещен у Фундуклулу²³. Вот что рассказывает последний в статье

¹⁸ Мир-лива – командир крупного воинского подразделения.

¹⁹ Кафа – Феодосия.

²⁰ Бейлербей – наместник в Османской империи, подчинявшийся непосредственно султану.

²¹ Река Малка.

²² Мехмед Рашид – государственный историограф (вакаинювис) Османской империи в 1714 – 1722 годах. Его «История» описывает в хронологическом порядке события с 1071 по 1134 год хиджры (1660 – 1722).

²³ Мехмед Халифе Фындыклылы – турецкий историк конца XVII – XVIII веков. В книге «Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века» В. Д. Смирнов пишет о нем: «О личности автора превосходной, величиной в четыре фолианта, истории мы знаем только то немного, что он сообщает сам о себе в своем сочинении: никаких

об отставке Каплан-Герая и назначении во второй раз ханом Девлет-Герая: «Когда Крымские ханы вновь назначались, то у черкесских беков было правило набирать 300 человек ясыря и отдавать новому хану под именем подарка. Крымский же хан Каплан-Герай не удовольствовался этим количеством ясыря, настаивая на своем слове: “Меньше трех тысяч пленных не беру”. Тогда черкесские эмиры посоветовались и говорят: “Хотя и такое количество ясыря отдавать водилось у нас в обычае; но только ведь до сих пор в пятнадцать – двадцать лет один хан был сменяем; теперь же каждый год новый хан – чьих же детей мы будем отдавать? Особоливо теперь: большинство народа черкесского освящена благодатью ислама; в каждой деревне, в каждом селе строятся соборные и приходские мечети и школы; исправно совершается пятикратная молитва и идет обучение юношества; дозволено ли в священном законе полонить целое полчище народа мухаммеданского, подобно воюющим гяурам, и отсылать к вашему присутствию? Есть ли соизволение Божие на такое притеснение? Пожалуйста, уж извините; а иначе никак невозможно”. Такой категорический ответ и послали они. А Каплан-Герай-хан собрал татарское войско, переправился из Керчи на противоположную сторону, то есть в Тамань, а оттуда пошел в Кабарду. Черкесские беки пустились на хитрость и сказали: “Мы дадим то количество ясыря; а вы удерживайте татар; дайте нам три дня срока и подождите, пожалуйста”. Гордый хан согласился на их просьбу и расположился в одной долине, предавшись несказанному разгулу и пьянству. Черкесы же с разных сторон сделали внезапное ночное нападение и столько татар изрубили саблями, что никогда не слыхано было такого их избиения, и исчезли. Большая часть именитых и отличных мужей Крыма погибла. Гордый хан едва спасся с несколькими из своей свиты и попал к ногам: стыдно ему было показаться в Крыму. Крымцы донесли о случившемся в Порту и просили себе нового хана. На совете признан был достойным ханства заточенный на острове Хиосе прежний хан Девлет-Герай, и за ним командирован был с величайшим указом старший мирахор²⁴ Ференг-Осман-ага. 17 числа рамазана пришло известие о прибытии его в Стамбул. Кяхья²⁵ верховного везиря Мухсин-заде Абдул-Ла-ага, чаушбаши²⁶ и полковые аги встретили его близ Чекмедже и привели его, шествуя перед ним с музыкой и церемонией. Его поместили близ мечети Каба-Сакал в доме Кара-Байрамаги, доставив ему стол и обстановку. 23 числа того же месяца в четверг чрез посредство верховного везиря он приложился лицом к ступеням высочайшего трона в новом киоске, находящемся в собственном его величества саду. В знак уважения его величество падишах тоже сделал несколько шагов навстречу ему; после встречи ему позволено было сесть на покрывале, разостланном по ступеням трона. Первым делом он отказался было от ханства, сказав: “Я, твой раб, был отрешен по тяжкому обвинению. Сколько есть султанов, достойных ханства! Одного из них и возьмите на службу: они сослужат службу к большему высочайшему удовольствию, нежели раб ваш”. Султан возразил на это: “Я спрашивал, я исследовал – за тобой не оказалось никакой вины, и я признал тебя достойным ханства; я ожидаю от тебя услуги!” Затем по обычаю Девлет-Герай получил дорогое облачение и черного в полной сбруе коня и торжественно приведен на свою квартиру».

других сведений о нем нигде доселе не встречается. Поэтому не лишне будет привести здесь автобиографические данные Фундуклулу, чтобы оценить значение его истории. Мы видим из этих данных, что он довольно долго состоял на службе при султанском дворе, был в близких отношениях со многими высокопоставленными в государстве лицами до султана включительно, имел шансы занять одну из высших должностей государственных в конце своей карьеры, но предпочел провести остаток дней своих в качестве частного человека. Благодаря такому своему служебному положению, Фундуклулу имел возможность быть очевидцем и даже участником многих важных событий, знать и слышать многое, что было недоступно людям, стоявшим вне круга людей, заправлявших судьбами Оттоманской империи».

²⁴ Мирахор – начальник султанских конюшен, высокий чин в придворной иерархии султанского двора. Старшему мирахору подчинялся начальник внутренней охраны султанского дворца.

²⁵ Кяхья – глава администрации, делоправитель, начальник личной охраны.

²⁶ Чауш-баши – старший церемониймейстер.

Вдобавок к этому Рашид-эфенди, подробно описывая Булавинский бунт²⁷, говорит, что когда мятежные казаки были разбиты царскими войсками, то уцелевшая от истребления толпа в 8000 человек бежала на Кубань к ногаям, а Каплан-Герай-хан поселил их в местечке, именуемом Хан-Тепе, в шестичасовом расстоянии от Темрюка. Рашид-эфенди сообщает этот факт без всяких комментариев; а Сейид-Мухаммед-Риза уже прямо указывает на этот поступок Каплан-Герая как на одну из причин смены его, так как это было, говорит он, нарушением существовавшего мирного трактата. Только количество нашедших у хана приют «мятежных Игнат-казаков», как тут названы некрасовцы²⁸, вместо восьми тысяч у Ризы у Рашида-эфенди показано всего одна или две тысячи.

История отставки Каплан-Герая, как она изображена у Фундуклулу, прекрасно рисует нам ближайшие результаты изменившихся отношений Порты и ее соседей, главным образом России. Потеряв источник доходов в набегах на незащищенные окраины России, крымский хан, для поддержания своего упавшего экономического благосостояния, обратил свое внимание на подвластных ему черкесов. Потерпев и на этом пути фиаско, он в отчаянии дает прибежище взбунтовавшимся казакам в надежде, вероятно, найти в них себе поддержку в случае нового нападения на черкесов, потому что едва ли бы он примирился с посрамлением, которое они ему нанесли.

Лишенный трона Каплан-Герай вместе с Менглы-Гераем, бывшим при нем калгой, вывезены из Крыма специально командированным для этого капыджи-баши²⁹. Дорогой они в городе Измаиле встретились с Девлет-Гераем и, хотя питали в душе вражду друг к другу, все-таки исполнили обычай взаимных приветствий и мирно разъехались. Каплан-Герай поселился на мызе Фундуклу, а Менглы-Герай в деревне Кады. А затем они, как видно, не миновали острова Родоса, куда обыкновенно заточали отставных ханов.

Девлет-Герай-хан II (1120 – 1125; 1708 – 1713) во вторичное свое властвование играл не последнюю роль в политических событиях. А события эти были немаловажные. В эту пору произошла Полтавская битва, печальный герой которой Карл XII после того сел на шею Порте и наделал ей немало хлопот, так что она не знала, как от него отделаться. Вскоре после того победитель Карла XII сам попал в ловушку на реке Пруте, чем доставил неописуемую радость туркам, в последний раз торжествовавшим свою победу над русскими.

Девлет-Герай, как мы знаем, в первый раз был отрешен в тот момент, когда он самым деятельным образом хлопотал о войне с московитами. Само собой разумеется, что отставка и ссылка его не могли изменить в нем прежних воззрений на отношение к русским. Призванный снова к занятию ханского трона, да еще при этом ободренный особым вниманием султана, сознавшего ему в глаза в беспричинности его прежней отставки, Девлет-Герай, без сомнения, вернулся готовый продолжать свою прежнюю политику и приводить в осуществление свои прежние замыслы, хотя теперь он стал действовать с большей осторожностью. Чтобы не встречать себе помехи во влиятельных сановниках Крыма, в Мердан-Али-аге и в муфти Абу-с-Сууде-эфенди, он испросил султанское соизволение казнить этих благоприятелей своего предшественника Каплан-Герая, так что они едва успели спастись бегством от грозившей им гибели – один под покровительство багдадского губернатора, а другой – куда-то в отдаленные пределы, сокрывшись под камилавкой дервиша.

Затеи шведского короля Карла XII тоже как нельзя более соответствовали видам Девлет-Герая, и он, вероятно, очень был рад исполнить данный ему тайный приказ вели-

²⁷ Булавинский бунт – казачко-крестьянское восстание на юге России в 1707 – 1709 годах, возглавлявшееся атаманом К. А. Булавиным.

²⁸ Некрасовцы – казаки из отряда донского атамана Игната Некрасова, ушедшие после разгрома Булавинского восстания на территорию Османской империи.

²⁹ Капыджи-баши – приближенный начальник внутренней охраны султанского дворца; часто использовался для выполнения особых государственных и личных поручений.

кого везиря Чорлулу-Али-паши через посредство Юсуф-паши оказать шведскому королю помощь. Но когда об этом прознал султан, то он строжайше запретил хану нарушать существующие мирные отношения Порты с Россией, и хан воздержался от оказания помощи Карлу, вследствие чего обманутый король, будучи разбит под Полтавой, пренебрег Крымом, где ему всего ближе и удобнее было искать убежища, а обратился за покровительством к Юсуф-паше, который и водворил его в Бендерах. В то время как в Порту явился русский посол П. А. Толстой³⁰ для переговоров о возобновлении мирного трактата еще на тридцать лет, Карл XII, все еще мечтавший о восстановлении своей военной чести, тоже посылает в Порту человека, прося ее дать ему военный отряд из турок и татар для сопровождения его в свою страну. Русские в переговорах с Юсуф-пашой настаивали на выдаче изменника Мазепы. Получив об этом известие, Порта предписала Юсуф-паше отправить Мазепу в Крым и потом сослаться на ханские правила не выдавать тех, кто находится под их покровительством. Юсуф-паша счел за лучшее возразить русским указанием на нарушение ими османских границ в своих преследованиях разбитых и бежавших шведов. Но как турки ни вертелись, все же в конце концов они предпочли мирные отношения с Россией новым связям со шведским рыцарем, которому послана была султаном грамота об удалении его в свое отечество и при этом деньги на дорогу. Карл XII с удовольствием принял подарки султана и отринул подарки великого везиря, узнав, что он был главным сторонником заключения мира с Россией. Все это относится к 1121 году (1709). Мало того: в следующем году хану, вместе с Юсуф-пашой и вторым мирахор-агой, дважды было поручаемо как-нибудь устроить дело возврата короля шведского восвояси.

Несмотря на формально дружественные отношения к России, турки, в сущности, не были спокойны за будущее: у них имелись опасения насчет завоевательных намерений Петра I. Поэтому донесение младшего мирахора Тюрк-Мухаммед-аги с бессарабской границы о крупных военных приготовлениях, делаемых русскими, было принято с большим вниманием, тем более что достоверность своих донесений Мухаммед-ага подкреплял ссылкой на показания шпионов, которых он в восьмимесячное пребывание свое в Бендерах во множестве засылал в русские пределы для разведок³¹. Мало того: ага привез с собой и представил Высочайшему Стремению массу письменных заявлений в том же роде от крымского хана Девлет-Герая, на авторитет которого он опирался особенно, так что невольно возникает мысль о том, не сговорились ли они по этому предмету между собою. «Если, – сказал ага султану, – не угодно поверить мне, то пригласите вашего раба, хана, пусть он... повергшись лицом к вашему Высочайшему Стремению, расскажет подробно о положении неприятеля. Тогда станет очевидно, лгу ли я или говорю правду. Если он заявит совсем противное тому, что я говорю, то, в пример другим, хочешь – казни меня мучительнейшей казнью, хочешь – сожги в огне». Поэтому в рамазане 1122 года (ноябрь 1710) Девлет-Герай-хан был приглашен в Стамбул для личных объяснений. Хан, разумеется, воспользовался случаем изобразить все ужасы готовящихся захватов русских; вот что он сказал султану на аудиенции, происходившей 14 рамазана: «Державный государь мой, этот гяур – коварный и хитрый гяур. Если, еще полагаясь на его мир, не будет обращено внимание на донесения и рапорты, то результат будет очень печальный. Ведь крымские владения отныне надо считать потерянными; да и Румелия-то того и гляди, что выйдет из вашей власти. А у того гяура цель составляет Стамбул. Что он в эти страны идет, в этом и не сомневайтесь». Тогда султан собрал совет государственных сановников и улемов и предложил их обсуждению донесения, полученные с пограничных местностей, а также и доклад хана об угрозе со стороны России. Речь султана

³⁰ Петр Андреевич Толстой (1645 – 1729) – государственный деятель и дипломат, доверенное лицо Петра I, один из руководителей Тайной канцелярии, граф.

³¹ Тюрк Мехмед-ага вел в Бендерах переговоры с находившимся там шведским королем Карлом XII.

была длинная: в ней он перебрал все факты, какие только имелись, о враждебных предприятиях и планах русских. Члены совета единогласно решили, что надо немедленно начинать войну с гяурами, а шейх-уль-ислям тут же дал и фетву, которой санкционировал вышеозначенное решение³².

Горячность, с которой так неожиданно мирные отношения с Россией получили совсем обратный, враждебный характер, заставляет видеть тут искусственное преувеличение в изображении истинных фактов, не чуждое расчета с чьей-либо стороны, и всего более подзрение должно пасть на Девлет-Герая. В последнем предположении сильно убеждает то обстоятельство, что одновременно с вышеприведенным решением Порты объявить войну России дана была отставка Черкес-Юсуф-паше, который около двадцати лет состоял бабадагским генерал-губернатором и которого историки турецкие в один голос превозносят за его ум, знания, распорядительность и энергию в устройстве пограничных дел вверенной ему окраины. Заручившись доверием Порты, хан тотчас же повел интригу против Юсуф-паши, который своим авторитетом мог разрушить его планы. Он начал говорить насчет его такие вещи: «Я знаю, что война против московов нарушает его собственный (то есть Юсуф-паши) покой, и он выкажет полное равнодушие и небрежность в обстоятельствах, подлежащих его сообразительности. Покамест этот Юсуф-паша будет находиться на бендерской границе, я решительно не в состоянии выполнить возлагаемых на меня величайших поручений». После таких на тысячу ладов распускавшихся ханом инсинуаций Юсуф-паша был отставлен и заключен в Кылбурунскую крепость. А между тем до сих пор хан хотя и не мог питать дружественного расположения к Юсуф-паше за прежние счеты между ними, все-таки был с ним в согласии, когда им было поручено сообща устраивать дела беглого Карла XII.

В такой же политической неблагонадежности обвинил Девлет-Герай и тогдашнего молдавского господаря Скарлатоглу Николая³³, недовольный за проявленную им непочтительность. Несмотря на то что господарь был, как выражаются турки, «особенным огарком его величества падишаха», то есть чем-то вроде любимца и протеже, внушения хана достигли своей цели: Николай был смнен, а на его место посажен Кантемирович-Малый – Кючук-Кан-Темир-оглу³⁴; это назначение состоялось при исключительных обстоятельствах: в противность обычаю, в третий день байрама состоялся высочайший совет, на котором вновь назначенный воевода повергся лицом к ступеням высочайшего трона и получил присвоенную молдавским господарем инвеституру – шапку, метлу и крытую бархатом соболью шубу. Это был тот самый князь Кантемир, который потом состоял в союзе с Петром I и после неудачной Прутской кампании должен был эмигрировать в Россию. Поэтому-то турецкие историки так немилосердно и косят его. Рашид-эфенди говорит, что этот «безверный изменник» – хаини бидин – и назначен-то был благодаря протекции хана, ходатайствовавшего за него через капы-кяхью³⁵ Давул-Исмаиля-эфенди. А историк Фундуклулу, наделяя Кантемира нелестным эпитетом «бир кёту похлу гяур», присовокупляет, что он получил свое воеводское назначение за взятку.

Несомненно одно – что Девлет-Герай, увлекшись личными симпатиями, был прав насчет воззрений Юсуф-паши на затеваемую кампанию, но жестоко ошибся в Кантемире, выхлопотав ему звание господаря. Но счастье на этот раз благоприятствовало хану: война, которой так хотелось ему, имела, как известно, весьма неблагоприятный и чуть-чуть не гибельный исход для Петра Великого, окруженного соединенными силами турок и татар на

³² Война России была объявлена 9 ноября 1710 года.

³³ Николай Скарлат-оглу, Шкарлат, Маврокордато (ум. 1730) – господарь Молдавии, потом Валахии; до этого был переводчиком дивана Османской империи.

³⁴ В русскую историю вошел как Дмитрий Константинович Кантемир (1673 – 1723); известен как ученый-энциклопедист, автор философских, богословских, исторических сочинений.

³⁵ Капыджи-кяхья – командир стражников султанского дворца.

реке Пруте. Это был такой триумф для турок, какого потом ни разу не выпадало на их долю. «Целых пять дней сплошь только в Стамбуле происходила пушечная пальба», – говорит историк Фундуклулу, когда кяхья великого везира Осман-ага явился к Высочайшему Стремени и устно сообщил известие о такой достославной победе; всем розданы были разные награды; хану посланы ценные подарки при особом рескрипте, а татарским эмирам халаты. Стихотворцы увековечили это событие одами и хронограммами.

Это было в августе 1711 года. Но вскоре и вестник о победе Осман-ага, и пославший его великий везирь Балтаджи-Мухаммед-паша подверглись наказанию, когда столичные недруги великого везира разнесли молву о том, что он не воспользовался как следовало своей победой над русским царем: Мухаммед-паша был 9 шевваля 1123 года (20 ноября 1711) отрешен, а его кяхья Осман 19 зиль-кадэ (30 декабря) казнен. Первого низвергли придворные интриганы; второй погиб благодаря наговорам Девлет-Герая.

Замечательно, что у Сейид-Мухаммед-Ризы о прутской победе соединенных турецко-татарских сил над русскими, в которой крымский хан играл не последнюю роль, сказано очень глухо, в таком роде, что, мол, «благодаря ревности и мужеству Девлет-Герая, оказанным им в победоносной кампании, он возвысился во мнении падишаха и утвердился на троне властительства». И сейчас же вслед за этим читаем у него, что «постыдное и позорное приключение с известным всему свету королем шведским было возведено на Девлет-Герая и послужило причиной его отставки». А затем тоже коротко сказано, что Девлет-Гераю в конце сефера 1125 года (февраль 1713) был послан с первым мирахором Мухаммедагой фирман, которым его приглашали в Адрианополь будто бы для совещания о политических делах, и, когда он, ничего не подозревая, поехал, ему недалеко от Адрианополя было объявлено, что он отрешен и должен вместо Адрианополя отправиться далее – в Галлиполи, а оттуда на остров Родос в ссылку.

Приключение с Карлом XII, упоминаемое Сейид-Мухаммед-Ризой, состояло в том, что, когда этот авантюрист надоел Порте своим бесконечным проживанием на ее территории за ее счет и разными бесплодными подстрекательствами и смутьянством, на созванном у султана совете решено было послать предписание бендерскому сераскеру Исмаил-паше и крымскому хану о том, чтобы они решительно настояли на немедленном выезде короля в свою страну или насильно схватили и водворили его на жительство в Демиотику. Карл XII, как известно, воспротивился тому и другому и защищался с оружием в руках, когда хотели овладеть его особой, во главе бывшего при нем небольшого отряда. В горячей стычке сподвижники его были почти все перебиты, имущество его разграблено, а сам он схвачен и привезен в Адрианополь. Но за такое успешное выполнение предписанного Портой поручения хан вместо благодарности получил отставку. Той же участи подверглись и шейх-уль-ислям и великий везирь. При этом Рашид-эфенди единственным мотивом такого неожиданного оборота дел выставляет то, что насильственный поступок с королем возбудил говор в народе. Фундуклулу намекает, и то неясно, на какие-то дурные меры и распоряжения в этом деле, как говорит он, со стороны хана и бендерского сераскера, за что обоим стоило бы только казнить в пример прочим; но какого рода были эти дурные действия их, остается сокрытым. Сказано только, что в предупреждение побега хана и поднятия им мятежа его султанским фирманом вызвали под предлогом совещаний и с почетом довели до Адрианополя, а потом взяли да и отправили в ссылку чрез Галлиполи на остров Хиос.

Всего больше подробностей о вторичном ханствовании Девлет-Герая сообщается в «Краткой истории», автор которой в данном случае пользовался каким-то неизвестным источником. В первую заслугу Девлет-Гераю вменяется то, что он, сделав еще в 1120 году (1708) набег на русские окраины, овладел там многими укрепленными местечками, названными крепостями, и захватил массу пленных; а жителей некоторых городов, и именно казаков, привлек на свою сторону, так что они изъявили ему свое подданство. В описании Прут-

ской кампании автор «Краткой истории» приводит слова великого везиря, сказанные им в ответ хану, настаивавшему вместе с Карлом XII на отвержении мирных предложений окруженного Петра Великого. Балтаджи-Мухаммед-паша будто бы сказал хану: «Наконец, ты ведаешь дела татарские; дела же Державы (Порты) вверены мне».

Наконец, мотивом отставки Девлет-Герая автор «Краткой истории» выставляет претензию Карла XII на непристойное обращение с ним Исмаил-паши и хана в то время, как они взялись удалить его из Бендер. Им было послано три султанских указа распорядиться с упрямым королем. А когда они сделали свое дело, к королю пришло из Порты известие, гласившее: «На такого рода поступок нет нашего согласия». Король отвечал: «Коли так, то накажите оскорблявших меня». Бедного Исмаил-пашу казнили, а Девлет-Герая отставили. Но ни у одного из турецких и крымских историков нет даже намека на какое-то письмо Карла XII к султану, скомпрометировавшее хана, о котором сообщается у Сестренцевича-Богуща. Дело можно объяснить проще. Порте хотелось непременно спровадить надоевшего ей короля шведского, что и было предписано исполнить бендерскому сераскеру вместе с ханом. Но она не ожидала такого яростного сопротивления со стороны короля и не предполагала, что у них дойдет до кровопролитного побоища. Когда, однако же, таковое случилось, ей стало совестно за свое пренебрежение к правилам гостеприимства и за третирование все же не простого человека, а короля: сбита военными неудачами спесь Порты обязывала ее быть повнимательнее к требованиям международной вежливости. В таком непоправимом скандале султану оставалось одно средство обелить себя – уволить в отставку главных, действительных или мнимых, виновников этого скандала – хана, великого везиря и шейх-уль-исляма, что он и сделал.

Порта, раздосадованная тем, что Балтаджи-Мухаммедпаша плохо воспользовался оплошностью Петра I на Пруте, сперва вгорячах хотела было опять начать неприязненные действия с Россией, вероятно, в надежде наверстать упущенное. Турки снова заговорили о походе против русских и, наконец, даже было совсем решились открыть кампанию, так что уже хану, тогда еще Девлет-Герая, были по этому случаю посланы обычные подарки, а верховный везирь Юсуф-паша³⁶, противившийся этой войне и настаивавший на сохранении только что заключенного с Россией мира, еще раньше сменен был. Все это происходило в шеввале 1124 года (ноябрь 1712). Но вскоре за этим турки одумались и сочли за лучшее выпроводить засидевшегося у них Карла XII, пребывание которого и было причиной того, что русские медлили с ратификацией мирного трактата. 12 ребиу-ль-ахыра следующего 1125 года (9 мая 1713) у великого везиря состоялся совет в присутствии русских поверенных, на котором решено остаться в мирных отношениях с московским царем. Фундуклулу говорит то же самое, только, по его, совещания происходили не в ребиу-ль-ахыре, а в джемазиу-ль-ахыре (июль) того же года. Но осуществление этой новой международной политической программы досталось уже преемнику Девлет-Герая, сидевшему до этого в заключении, Каплан-Герая, извещение о назначении которого ханом случайно как раз совпало с хлопотами Девлет-Герая о том, чтобы ненавистного ему Каплан-Герая упекли куда-нибудь еще подальше.

³⁶ Ага Юсуф-паша – великий везирь с ноября 1711 по ноябрь 1712 года.

Глава II

Политические виды Каплан-Герая-хана I. – Мятежи Бахты-Герая в Черкесии и бунт янычарского гарнизона в Азове. – Вынужденная потачка Порты крымцам, отвергшим Кара-Девлет-Герая III. – Нелады Сеадет-Герая-хана III с крымской знатью, стоившие ему трона. – Политическая программа Менглы-Герая-хана II. – Вражда двух сильных партий в Крыму, во главе которых стояли Мердан-Али-ага и Джан-Тимур-мирза. – Приговор Абу-с-Сууда-эфенди и казнь Абду-с-Самада-эфенди. – Мятеж ногайцев под предводительством Аадиль-Герая и усмирение их. – Внутреннее управление Менглы-Герая-хана II и падение его

Первой заботой вторично воцарившегося Каплан-Герая-хана I (1125 – 1128; 1713 – 1716) было возвратить на прежние места подвергшихся гонению со стороны Девлет-Герая своих друзей Мердан-Али-агу и Абу-с-Сууда-эфенди. Кал-гой, согласно всем источникам, был сделан опять Менглы-Герай-султан, а нур-эд-дином, по одним историкам, был назначен Сахыб-Герай, а по другим известиям – Сафа-Герай-султан.

Решившись окончательно помириться с Россией, Порты позаботилась о скорейшем приведении в надежное состояние крепости Хотин на бессарабской границе. Назначенный туда инженером Халиль-паша составил смету в 2000 мешков чистыми деньгами. Султан осердился на него за такое непомерное исчисление расходов и отослал пашу в Белград. Надзор за рабочими поручен был румелийскому бейлербею Абди-паше совместно с крымским ханом Каплан-Гераем. Проведя зиму 1125 года (1713) в местечке Копанке на реке Днестре, хан вернулся в свою столицу. В признательность за ремонт Хотина ему присланы были сабля и почетный кафтан.

Автор «Краткой истории» передает этот факт в таком духе. Он говорит, что «Абди-паша с османским войском, а Каплан-Герай с татарским прибыли в Хотин только под видом ремонта крепости, а в действительности вследствие известий о приглашении со стороны поляков: цель была та, чтобы там провести зиму, а к весне двинуться в московские пределы». Но союз с поляками не состоялся. Тогда поневоле в том году пришлось чинить Хотин: до зимы приспособили годные помещения и назначили туда гарнизон. Паша вернулся к себе; хан зимовал в Кили, а в 1126 году (1714) пришел в Крым. В таком случае становится понятно, почему султану пришлось не по вкусу денежная смета Халиль-паши на сооружение, в котором не имелось даже серьезной надобности.

Когда, однако же, вскоре у Порты произошел разрыв с Венецией, то Каплан-Герай тоже выставил вспомогательный отряд татарского войска под начальством Орского бей, младшего брата своего Селямэт-Герая, назначенного сераскером в Босну. Между тем один из сыновей Девлет-Герая, отставного хана, Бахты-Герай, в надежде занять отцовский престол начал смуту в Черкесии. К нему присоединился, переправившись через Таманский перевоз, преж-

ний нур-эд-дин Бегадыр-Герай. Хан, узнав об этом, послал за ними погоню, но посланные, не догнав их, вернулись ни с чем обратно. БахтыГерай же на просторе соединился с враждебными крымскому хану ногайскими эмирами, а тех, кто оказывал повиновение хану, как, например, Нур-эд-Дин-мурзу, мурзу Касай-оглу и Касбулат-оглу, убивал, а имущество их грабил. Услышав об этом, хан поручил усмирению мятежа Менглы-Гераю, и ему с помощью мурз племен Хатай и Кыпчак удалось переловить бунтовщиков и убийц и учинить над ними расправу; в особенности досталось племенам Оран-оглу, Арсан-бей, Юсуф и Сумах, как самым мятежным.

Одновременно ли и в связи ли с этим бунтом или в другую пору и совершенно самостоятельно, но только при Каплан-Герае происходили беспорядки, о которых повествует Фундуклулу под 1125 годом (1713). «После заключения с московским царем мира, – читаем мы, – татарскому войску и пограничным жителям было строго наказано впредь не делать набегов. Но татары, не повинувшись наказу, пошли производить грабежи по дорогам к Астрахани. Московцы и керманские казаки, перерезав им путь, послали человека к азовскому коменданту везиру Босняк-Реджеб-паше с жалобой и просьбой о возвращении захваченных у них пленников. Тогда он с эрзерумским вали, везирем Тэляк-Али-пашой сели на коня и пошли на них (татар). “Так вы вопреки падишахскому фирману опять делаете набеги? С чьего позволения пошли вы?” – сказали они и бросились на них со своим отрядом войск. Но пока они сражались, очередной отряд янычар, состоявших в азовском гарнизоне, оцепили крепость и говорят: “Мы живем татарской добычей; на этих границах фирманы не исполняются”. Они пошли против пашей и вступили в битву. С обеих сторон несколько человек пало; несколько было ранено; янычары одолели, а наши, вернувшись, вошли в крепость. Паши донесли в Порту о дерзости капы-кулу и о неисполнении фирмана; но так как тогда было время лицемерия, то отделались молчанием: Реджеб-паша был назначен комендантом в Ени-Кале, а его предместник везирь Челеби-Мухаммед-паша комендантом азовским; везиру Тэляк-Али-паше велено было отправляться на свою должность; а поверенный янычарского аги в Азове по обвинению в неуправе с солдатской ватагой был отставлен и под именем коменданта сослан в крепость Койне, где и был затем казнен. Крымскому хану Каплан-Гераю также послан высочайший указ – крепко держать во всех местах орду татарскую...»

Особенно повредила Каплан-Гераю его медлительность во время немецкого похода в 1128 году (1716)³⁷. Решено было хану самому идти на помощь к Темешвару, Менглы-Гераю оберегать Буджак, а Селямэт-Гераю отправляться в Эрдель; но последний отказался, и его поручение было передано сыну Азамат-Герая Ислам-Гераю. События же продвигались очень быстро; турки терпели поражения; Темешвар с Белградом уже ушли из рук турок в руки неприятелей; а хан все не являлся на помощь. Османская армия уже возвращалась из похода, когда хан только что приближался со своими татарами к Белграду. А виной этой медлительности были, по словам Сейид-Мухаммед-Ризы, зложелательные строптивцы- эмиры, которые советовали хану не очень торопиться в деле повиновения Порте. Раздосадованные же неуспехом кампании турецкие сановники на совете у султана 18 зиль-хыддже 1128 года (2 декабря 1716), рассуждая о поведении хана, остановились на двух предположениях: невообразимая медлительность татар, быстрота которых вошла в пословицу, произошла или оттого, что татарское войско не слушается хана, или же оттого, что он сам утратил энергию и решительность; а следовательно, и в том и в другом случае он заслуживает отставки. Решено было еще раз обсудить этот вопрос на совете у великого везира и о результате доложить султану. На совете, окончательно решившем участь Каплан-Герая, велись такие рассуждения, сообщаемые турецкими историками: «С тех пор, как старик Хаджи-Селим-Герай стал в 1082 году (1671) впервые крымским ханом, и до сего времени в течение сорока лет ханствовали или он

³⁷ Имеется ввиду война Турции с Австрией, начавшаяся в 1716 году.

сам, или его братья, или его сыновья. Его родственники теперь ужасно как размножились, и все татары от мала до велика, равно как и черкесский народ, считают их наследственными ханами, а проживающие в Румелии царевицы, точно совсем посторонние, ровно ничего в их глазах не значат. Нечего уже и говорить о вступлении их на ханство Крымское: даже тем, которые упоминали о них, оказывалась враждебность. А потому и сами Селимовцы тоже стали говорить, что Крымское ханство есть исключительное их достояние, и когда случились войны, то под разными предложениями не стали ходить, говоря: «Мы не безопасны от неприятеля»; если же и приходят, то с ничтожным количеством татар; а не то стали посылать султанов с несколькими татарами. Каплан-Герай тоже из детей Селим-Герая. Подобно отцу своему, он благожелатель Высокой Державы; но татарский народец сказал ему: «А, и ты тоже был в Эдирне на замирении с московом? Ты прекратил наши доходы?» – и совсем отвернулись от него, не стали слушаться его, так что он не в состоянии был собрать и двух татар воедино; это, по-видимому, и было причиной того, что он не шел к Темешвару».

Некоторые из сановников говорили, что не есть непременно условие быть крымскому хану из сыновей Селим-Герая: почему бы не назначить ханом достойного султана из крымских царевиц, проживающих в румелийских пределах? Может быть, и из них кто-нибудь сослужит хорошую службу. По рассмотрении оказался подходящим старейший из всех царевиц Кара-Девлет-Герай-султан. Поэтому он в конце зи-ль-хыддже 1129 года (ноябрь – декабрь 1717) был объявлен с обычными церемониями ханом, потом отправился в Буджак, собрал там около себя татарское войско и назначен был на охрану Валахии. Но ни один человек из ногайцев, ни старей, ни малый, не оказывал ему повиновения. Он остался лишь при своих приверженцах да двух сотнях татар, которых привели они с собой. По другим источникам, крымские вельможи, услышав о назначении Кара-Девлет-Герая ханом, подали падишаху заявление такого рода: «С фамилией этого хана у нас уже несколько раз было столкновение; у нас с ними нет ладу». Это заявление они, конечно, подкрепили неизбежными шумными сбирками, породившими беспокойство в целом населении. В Порте снова сделано было совещание по этому поводу, и состоялось такое решение: «Хотя это обстоятельство противоречит предыдущему мнению Порты о назначении хана, но так как теперь военное время, то надо принять во внимание настоящее вынужденное положение дел – пойти на компромисс и избежать пока напрасных раздоров, могущих привести к кровопролитию».

В самом деле, история эта произошла вскоре после поражения турецкой армии и завоевания Темешвара немцами, так что Порта была в весьма стесненных обстоятельствах. Поэтому как ни тяжело и ни прискорбно было турецкому правительству уступить требованиям татар, тем не менее оно принуждено было поступить с осторожностью, отложив до другого времени наказание мятежной вольницы, и сделать ханом одного из сыновей Селим-Герай-хана. Таким образом, Кара-Девлет-Герай-хан III (1128 – 1129; 1716 – 1717) и не успел побывать в Крыму в сане хана, в котором он числился всего три месяца, в конце одного и в начале другого года. 23 сефера 1129 года (6 февраля 1717) в Адрианополь был вызван проживавший в Ямболу Сеадет-Герай, который и был назначен крымским ханом.

Во всей этой истории самое любопытное представляет мотив, по которому Порта уважила настояния татар на смене хана, – невозможность заставить их повиноваться своим распоряжениям при тогдашних обстоятельствах. Ввиду столь ясных и очевидных причин легкой смены ханов нет оснований искать их в том, что «с одной стороны дворянство и даже сами князья крови Гирея были подкуплены Портой; и с другой предрассудок веры заставлял всех Мусульманов почитать Великого Султана преемником Халифов, хранителем ключей Мекки и главою веры», – как это делает Сестренцевич-Богущ. При воцарении Сеадет-Герай-хана III (1129 – 1136; 1717 – 1729) впервые произведено было отобрание у прежнего, отставного хана Кара-Девлет-Герая пожалованной ему, по исконному обычаю, из султанской казны инвеституры – дорогих одежд и кинжала. Для приведения в исполнение этого никогда

прежде не бывалого разжалования был командирован из Порты капыджи-баши. Такое непочтительное обращение Порты с Кара-Девлет-Гераем вскоре свело этого семидесятилетнего старика в могилу. Он погребен в Ямболу в местной мечети.

Такое, уже более потом не повторявшееся поругание личности отставного хана Порты позволила себе, вероятно, ввиду того, что само население крымское не питало никакого уважения к личности Кара-Девлет-Герая. Каприз Порты был посадить на ханский трон Кара-Девлета – ничего не стоило ей и третировать его, так как он происходил из ненавистного крымцам побочного поколения.

Но и при новом хане не восстановилось спокойствие в подвластных ему черкесских пределах. Кроме того, у него возникло недовольство своими родичами: назначенный нур-эддином Аадиль-Герай-султан вскоре отказался от этого звания, и на его место был назначен Ислам-Герай. Сеадет-Герай-хан успел еще совершить одну кампанию против немцев в союзе с османской армией, где долго, в ожидании его прибытия, медлили с решительными против неприятеля действиями. Хан в этот раз привел с собою 60 – 70 тысяч человек; но, замечает турецкий историк, в армии не находилось опытного полководца, поэтому и не знали, что делать; кроме того, страшно боялись немцев. К этой трусости турок присоединились еще беспорядки и несоблюдение дисциплины в армии, против которых сам бы Аристотель с Платоном, по выражению турецкого историка, не придумали никаких мер, и поражения оттоманских войск продолжались, несмотря на прибытие крымской подмоги и смену военачальников. Волей-неволей пришлось принять посредничество иностранных послов по заключению мира с немцами в шеввале 1129 года (октябрь 1717). В начале следующего года ханскому полчищу, по миновании в нем надобности, было дано позволение вернуться в свои места, и приказано при этом возвратить мирным валахам захваченных татарами пленников. Когда перед этим хан отправился из Адрианополя, получив обычные подарки, ему поручено было положить конец своевольным действиям Бахты-Герая, прозванного «Дели-султан», то есть «Отчаянный султан», на которого русский посол явился в Порту с жалобой, что он, набрав шайку татар, производит с нею опустошительные набеги на русские окраины, вопреки существующему между Россией и Портой мирному трактату.

Но более всего хан, конечно, заботился о собственных выгодах. Черкесы, видя ослабление могущества крымских ханов, начали отказывать в платеже им «погрешной дани» невольниками. А между тем другой источник ханских доходов – грабежи и набеги на христианских соседей – в силу изменившихся обстоятельств иссякал. Каплан-Герай, мы видели, поплатился уже за чрезмерно хищнические замыслы против черкесов; но это не остановило его преемника продолжить начатое предшественником. В начале 1132 года (1720) он испросил у Порты разрешение произвести набег на черкесов, которое и было ему дано. Хану вместе с разрешением пожаловано было еще под именем «расходных» – «харджлык» – от султана 8000 гурушей, и отдан был приказ о присоединении к татарской ханской армии вспомогательных сил из войск османских, расположенных в пределах Крыма. Хан, получив полномочие ведать все дела черкесские по своему усмотрению, с многочисленным войском вторгся в Кабарду и провел там около двух лет. В кратком турецком очерке «Крымской истории» и у Говордза³⁸ говорится, что Сеадет-Герай во время этого похода попался в плен и после возвращения из плена был низложен; между тем в других источниках нет ни слова о плене хана. Сравнительно более подробный рассказ об этом походе Сеадет-Герай-хана находим в «Краткой истории», хотя и не вполне согласный с другими источниками. Сейид-Мухаммед-Риза, например, говорит, что хан по возвращении в столицу отправил сына своего Салих-Герая выжить мятежного Бахты-Герая из его убежища и водворить в румелийские области. Но поход Салиха был неудачен, и тогда хан решил двинуться самолично; но тоже

³⁸ Генри Хойл Хауорт (Henry Hoyle Howorth; 1842 – 1923) – английский историк, писатель, археолог, этнограф.

без всякого успеха и только напрасно потерял драгоценное время: вслед за этим пошли волнения и смуты в самом Крыму, повлекшие за собой свержение хана, о чем Риза рассказывает по обычаю витиевато-многословно. В конце концов хан, видя вокруг себя поголовную измену, предоставил все воле Божией, а сам отправился в Порту, где и был отрешен; ханство было предложено «с некоторыми условиями» Каплан-Гераю, привезенному в Порту, но тот отказался, и в 1137 году (1724 – 1725) был сделан ханом Менглы-Герай-хан II.

Сейид-Мухаммед-Риза называет письмо, посланное мятежниками Сеадет-Герай-хану, «противообычным», а кляузу, отправленную ими с депутацией в Порту, «непристойной и безграмотной». По сути, эта кляуза крымцев скорее может служить доказательством их дерзкого самоуправства, чем изобличением злоупотребления властью со стороны хана. Мотивы недовольства их Сеадет-Гераем на вид слишком слабы, чтобы могли служить достаточным основанием для его свержения. Но каждый век и каждый народ имеет свои воззрения на нравственные обязанности человека вообще и правителя в особенности. Историк Халим-Герай³⁹ так характеризует Сеадет-Герая: «Он славился своей щедростью и милосливостью, но был порицаем за отсутствие в нем мужества и храбрости. Был пристрастен к охоте и большую часть времени проводил в разъездах по степям и лугам, занимаясь под предлогом охоты ловлей в объятия газелеоких красоток. В ранние годы юности он выделялся из среды сверстников красивой наружностью и статностью фигуры и, точно царский штандарт, возвышался ростом среди народа, а под конец от тучности и массивности тела, как носилась молва, он не мог ни ходить, ни двигаться». Значит, Сеадет-Герай-хан был сибарит, чем только дразнил плотоугодный аппетит татарских вельмож, не давая, однако же, им средств для удовлетворения этого аппетита. В этом заключалась и вся его виновность пред ними.

Сановники Высокой Порты не раз секретно совещались, как им поступить в данном случае. Для Крыма нужен был такой хан, который, по словам Сейид-Мухаммед-Ризы, мог «силой власти и правосудия потушить разгоревшийся огонь смуты». Пригодных кандидатов на ханство оказалось двое – отставной хан Каплан-Герай и меньшой брат его Менглы-Герай-султан, бывший одно время калгой. Верховный везирь Ибрагим-паша⁴⁰ в начале 1137 года (октябрь 1724) вызвал их обоих на совет в окрестностях Стамбула насчет мер к прекращению смут крымских. На этот совет сам великий везирь и капудан⁴¹ Мустафа-паша приехали тайно, под предлогом охоты. Братья Гераи тоже хранили строгое инкогнито. Менглы-Герай пленил великого везиря своим сладкоречием и был рекомендован падишаху в ханы. В конце мухаррема (середина октября) он был торжественно ввезен в столицу и с соблюдением известных церемоний произведен в ханы. Другие историки говорят, что Каплан-Герай сам отказался от предложенного ему теперь ханства, ибо он был уже стар, да и не хотел «пачкать в крови правоверных одежд своей непорочности». Что же касается до секретности, с какой велись переговоры о назначении нового хана, то, надо полагать, она была необходима ввиду нахождения в Стамбуле крымской депутации, от которой до поры до времени надо было скрывать соображения Порты.

Менглы-Герай-хан II (1137 – 1143; 1724 – 1730), действительно, имел, как оказалось, целый план в голове насчет приведения в повиновение строптивых мятежников: недаром его речи понравились великому везирю. Видя, что ни с помощью своего ханского авторитета, ни открытой военной силой ничего не поделаться с ними, новый хан стал на путь хитрости и коварства. Чтобы отвести на первых порах глаза главным вожакам бунтовщиков, он утвердил их как ни в чем не бывало в их прежних должностях – Абду-с-Самада в должности кады-

³⁹ Халим-Герай (1772 – 1823) – турецкий историк, поэт; представитель династии крымских Гераев; автор сочинения «Гюльбюн-и ханан» («Цветник ханов»), в котором излагаются биографии крымских ханов.

⁴⁰ Дамад Ибрагим-паша – великий везирь с мая 1718 по октябрь 1730 года.

⁴¹ Капудан-паша, капудани-и дерья, – командующий османским флотом.

эскера, Кемаль-агу – в звании первого министра и Сафа-Герая в звании калги, послав грамоты об этом вперед себя в Крым, а потом уже явился и сам. Прикидываясь ласковым к своим противникам и равнодушным к людям, к которым в душе был расположен, Менглы-Герай-хан разведывал и распознавал врагов и выжидал благоприятного момента для расправы с ними. Такой момент вскоре наступил в виде войны, начавшейся у Порты с Персией. По султанскому фирману хан должен был отправить десяти тысячное войско в поход на Персию. Отряд в шесть тысяч татар хан послал под начальством калги Сафа-Герая, прикомандировав к нему таких лиц, как Пурсук-Али и Султан-Али-мурза, и этим способом удалив смутьянов и зачинщиков волнений из Крыма. Другого такого же опасного человека – Мустафу, состоявшего в должности сияхдара (оруженосца) у Кемаль-аги, послал он в Черкесию. Этим ловким маневром хану удалось разрознить сплотившихся мятежников и по частям разделаться с ними. В месяце зи-ль-каде 1137 года (июль – август 1725) вся татарская ватага переправилась через Босфор на анатолийскую сторону, получила там обычные от турок подарки и двинулась по назначению.

В данном случае обращает на себя внимание то, что Порта, прежде всегда гневавшаяся на крымских ханов, если они не самолично предводительствовали своей армией, и косо смотревшая на такое уклонение их от своей исконной обязанности, тут отступления хана от заведенного порядка даже не заметила. Изменившиеся обстоятельства вынудили ее предоставить большую свободу действий своему вассалу, лишь бы только сумел он держать в повиновении беспокойную орду, которая теперь часто становилась для нее обузой. Тем более эта свобода должна была быть предоставлена Менглы-Герая, что он вступил на ханство с самостоятельной программой умиротворения края, а вовсе не в качестве простого исполнителя инструкции, данной будто бы ему султаном, как это сообщается некоторыми историками.

Следуя принципу *divide et impera*⁴², Менглы-Герай II, выпроводив одну часть беспокойных голов за границу, стал обдумывать способы к окончательному укрощению оставшихся дома. Главным образом он хотел приняться за Хаджи-Джан-Тимур-мурзу, который, по словам османского историка Челеби-заде-эфенди⁴³, целых уже сорок лет своевольничал, не повинаясь ни ханской власти, ни повелениям Порты и причиняя всякие притеснения своим соотечественникам. С этой целью хан составил совет из Кара-Кадир-Шах-мурзы, Муртаза-мурзы, Абу-с-Сууда-эфенди и других эмиров и улемов, принадлежавших к партии, враждебной грозному Джан-Тимуру. Они порешили на том, что с ним надо покончить, и даже пригрозили, что, в случае если хан не совершит предложенной расправы, они должны будут удалиться из пределов Крыма и оттуда уже вести борьбу с врагом своим. Джан-Тимур, прознав чрез своих клеветников о грозившей ему опасности, написал донос, обвиняя Кадир-Шаха и Муртаза-мурзу в мятежных замыслах. Хан же послал ему ярлык, приглашая его в Бакче-Сарай и прося умиротвориться. В то же время он пригласил харатукских, салгырских аянов и прочую знать, именуемую капы-кулу, в столицу. На происходившем в ханском дворце собрании Мердан-Хаджи-Али-ага, заклятый враг Джан-Тимура, держал речь, в которой доказывал всю несообразность поступков ширинских мурз и необходимость решительного их обуздания силой оружия, для чего и предлагал почтенным членам собрания, особенно тем, которые входили в число капы-халкы (лейб-гвардии), продемонстрировать верность хану. Красноречие старого министра так убедительно подействовало на присутствующих, что они тут же дали клятву последовать его предложению. На собрании присутствовали также приверженцы и товарищи Джан-Тимура – Кемаль-ага, Эр-мурза, сын Пурсук-Алиаги Осман, брат Кемалья Осман и другие из числа капы-кулу. Предвидя возможность

⁴² Разделяй и властвуй (лат.).

⁴³ Челеби заде Исмаил Асим эфенди (ум. 1765) – турецкий историк, писатель.

их побега, хан стал соображать о том, как бы преградить им путь. В месяце зи-ль-каде 1138 года (июль 1726) Кадир-Шах и Джан-Тимур со своими вооруженными приверженцами стояли по обе стороны Бакче-Сарая. Хан распорядился устроить засаду из отборных стрелков, с тем чтобы они хватали и немедленно умерщвляли мятежников, когда они явятся в диван по приглашению. Но Джан-Тимур через шпионов и легкомысленных людей, посвященных в тайну, узнал о готовившейся ему ловушке и тотчас же бежал; за ним последовали и другие его единомышленники. Кадир-Шах-мурза со своими пособниками бросился вдогонку. Хан, рассчитывая на возможность захвата их при Днепровской или Азовской переправе, не дал своего согласия на открытую битву в узкой Бакче-Сарайской долине, чтобы в этой свалке не досталось людям невинным; но потом все-таки, питая желание истребить противников, послал Мердан-Хаджи-Али-агу и Салих-мурзу, но они промедлили. Джан-Тимур перешел через Казандибскую переправу и прошел под крепостью Азовом благодаря содействию азовских янычар.

По вытеснении Джан-Тимура из Крыма одержавшая верх партия, как водится, захватила в свои руки все prerogatives: Кадир-Шах стал ширинским эмиром, Муртаза-мурза его калгой; Сефер-Гази-мурза нур-эд-дином; Мердан-Али-ага опять облечен был саном ханского аги, Абу-с-Сууд-эфенди получил кады-эскерство. Обо всем происшедшем донесено было в Порту с просьбой подчинить, как было прежде, ведению Абу-с-Сууда округа Кафский, Таманский, Судакский и Манкупский. То и другое – донесение и просьба – были отправлены с самим же Абу-с-Суудом.

Пограничным комендантом турецких крепостей сделано было предписание задержать, если представится случай, Джан-Тимура и его сообщников. Вместо того азовский комендант Мустафа-паша оказал ему всякое содействие к благополучной переправе и путешествию в Черкессию, так что Порте пришлось повторить свое предписание и на этот раз ограничиться строжайшим требованием только полного невмешательства со стороны турецких гарнизонных янычар в дела татарские. Вместе с тем турецким комендантам дан был приказ сообразовать свои действия с намерениями и распоряжениями хана, занятого усмирением бунтовщиков. Все это было в конце мухаррема 1138 года (начало октября 1725). По представлению хана главнокомандующий османской армией в персидском походе Кёпрюлю-заде Абду-л-Ла-паша произвел расправу над некоторыми из главных участников бунта, казнив, между прочим, сына Джан-Тимура Бегадыршаха и силяхдара Мустафу; а калга Сафа-Герая, вместе с головами казненных, был вытребован в Порту и потом сослан на остров Хиос. Кроме того, в самом Крыму было несколько человек повешено торжественно на площади с прочтением султанского фирмана, а имение Кемаль-аги было конфисковано. За такую распорядительность и сообразительность хана ему были высланы деньги, а Абу-с-Сууду пожалованы во владение деревни и дано согласие на просьбу о расширении его юрисдикции в пределах Крыма.

В начале 1139 года (конец 1726) татарские войска, бывшие под начальством нур-эдина Селямэт-Герая в персидском походе, стали разбегаться; оставшиеся страдали от болезней и изнурения, и тогда им разрешено было вернуться через Трапезунд на кораблях восвояси. В то же время ссыльному Сафа-Гераю, вследствие нездорового климата хиосского, по ходатайству хана дозволено было поселиться в своем чифтлик⁴⁴ в Ямболу. Назначенный на место его калгой Аадиль-Герая, однако же, не захотел отправляться в Персию на театр военных действий в качестве главнокомандующего татарским отрядом, а потому получил отставку в начале сефера 1140 года (середина сентября 1727) и отправлен на жительство также в окрестностях Ямболу. Причиной отказа Аадиль-Герая было его намерение поднять бунт среди буджакских ногайцев в пользу отставного хана Каплан-Герая. Ему и удалось под-

⁴⁴ Чифтлик – помещичье землевладение в Османской империи.

нять Буджакскую орду, когда он проезжал через нее в свой чифтлик после отрешения от должности калги. Орда эта с того самого времени, как Порта взяла ее под свое покровительство, все никак не могла размежеваться с соседней Молдавией. Предводители мятежных ногайцев с Аадиль-Гераем во главе послали через бендерского коменданта в Порту заявление о желании их иметь ханом Каплан-Герая и об отводе земель в Молдавии выгнанным из нее ногаям. В противном случае они грозили выселиться в Польшу.

Коренные крымцы вознегодовали на такое неслыханное доселе вмешательство ногайцев в дело смены и назначения крымских ханов и, со своей стороны, отправили в Порту протест, в котором выражали свое полное довольство образом правления хана Менглы-Герая. Расчеты бунтовщиков оказались ошибочными. Хану была выслана подтверждающая грамота и вторичная инвеститура, а для усмирения ногайцев отряжены были большие военные соединенные силы турецких сераскеров и крымского хана. Мятежники смирились. Аадиль-Герай по ходатайству хана получил амнистию, да еще и пенсию, и водворен в своем чифтлике. Ногайцам велено сидеть смирно на отмежеванных им землях и не трогать соседей, под угрозой взыскания с них контрибуции в размере тысячи мешков акче⁴⁵ за всякий беспорядок. Разграбленное во время этого мятежа имущество мирных жителей было по возможности разыскано и возвращено хозяевам. Акт умиротворения был облечен в форму официального документа, составленного и скрепленного кады-эскером Абу-с-Суудом в половине шабана 1140 года (конец марта 1728). Бежавших в Польшу мурз ногайцам не велено было принимать больше к себе, а оставшихся их приверженцев должны были выдать для ссылки их в Крым.

Но этим еще не совсем закончилось умиротворение беспокойных ногайцев. Сын Девлет-Герай-хана Бахты-Герай-султан, после отставки отца и по назначении ханом Каплан-Герая, удалился в Черкесию с надеждой найти там себе сильную военную опору и овладеть отцовским тронem. Он собрал вокруг себя несколько не хотевших повиноваться крымскому хану ногайских мурз и стал производить с ними грабежи и убийства. Усмирение этой шайки было поручено Менглы-Герая, который и исполнил это поручение с успехом. Но сам Бахты-Герай ускользнул от плена и продолжал время от времени творить смуты, то делая вид покорности крымскому хану, то соединяясь с калмыками, чтобы совершать насилия над мусульманскими обитателями кубанских поселений.

Волнение среди буджакских ногаев показалось Бахты-Герая благоприятным моментом для возобновления своевольных действий в черкесских пределах, и он подстрекнул калмыков захватить Едисанскую орду ногайцев. Хан донес об этом в Порту и попросил об отправке войска с тем, что он сам пойдет или пошлет калгу в качестве главнокомандующего. Порта тотчас отрядила в помощь ему для кубанской экспедиции разные части своих войск, стоявших в Румелии, в придунайских крепостях и в самом Крыму. Бахты-Герай имел намерение подчинить себе всех черкесов и ногаев тех местностей, отдав только одних едисанцев калмыкам. Но не все ногайские племена были расположены к этому: многие были против него, и среди них крымцы стали набирать войско, заявляя через парламентаров, что пришли вовсе не с враждебными замыслами. Как только распространился слух о приближении войск, Бахты-Герай бросился в горы; калмыцкое же войско вернулось восвояси.

Таким образом, это волнение было прекращено без всякого кровопролития, благодаря распорядительности хана Менглы-Герая в конце 1140 года (середина 1728). А в рамазане следующего, 1141 года (апрель 1729) хан в признательность за эту распорядительность был приглашен для чествования в Высокую Порту, куда он явился в сопровождении двух царевичей, Халим-Герая и Токтамыш-Герая, и свиты. Их торжественно встретили, угощали и одарили обычным в подобных случаях образом. Торжество это, по свидетельству крымского исто-

⁴⁵ Акче – серебряная монета, обращавшаяся в XIV – XIX веках на территории Османской империи и сопредельных государств.

рика, украсилось полученным известием о смерти Бахты-Герая, нарушавшего покой ханов своими бунтами и мятежами: он был убит черкесами. Хан не забыл и главных своих помощников по управлению: Абу-с-Суудуэфенди по рекомендации и ходатайству хана был пожалован титул адрианопольского муфти и подтверждены его права на пользование полученными владениями; а Мердан-Али-ага, столетний старик, получил должности губернатора Кафы и коменданта Ени-Кале.

Кроме чисто политических мероприятий, Менглы-Герай-хан II сделал кое-что и для внутреннего благоустройства своих владений: он облегчил налоги и повинности, отменив «налог овечий» и учредив почтовые станции для собственной гоньбы; назначил денежные оклады улемам и т. п. Сестренцевич-Богуш, со свойственным ему католическо-иезуитским ригоризмом и недоверчивостью, такое дает объяснение вышеозначенному действию хана: «Менгли, пришед в ненависть своею строгостью к прежним своим соумышленникам, начал покушаться преклонить паки сердца народа, освобождая его от дани, которую должен был платить хану каждый дом, по барану; однако, невзирая на сие, он был свержен».

В этом отрывке из Сестренцевича-Богуша самое интересное представляет его заключительная оговорка: «однако, невзирая на сие, он был свержен»: выходит, что как будто бы Менглы-Герай был свержен самими крымцами и чуть-чуть не за то, что приложил столько стараний к водворению спокойствия в стране, страдавшей от междоусобиц и распрей самоуправных влиятельных мурз, за что совершенно справедливо превозносит его крымский историк Сейид-Мухаммед-Риза. Так же отрывочно и без всяких расследований говорит об отставке Менглы-Герая и Гаммер: «Mengligerai wurde abgesetzt»⁴⁶ – сообщает он в конце истории его ханствования мимоходом. Но за что же, в самом деле, был отрешен Менглы-Герай?

Сейид-Мухаммед-Риза лишь отдаленно намекает на причину его отставки в свойственных ему высокопарных выражениях: «Так как начал веять пронзительный ветер насилия и осеннего холода, то в начале 1143 года (осень 1730) следы подувшего ветра, потопляющего корабли красных дней, достигли до подобного раю Бакче-Сарая, и на 15-й день по прибытии подтвердительной грамоты да инвеституры, присланных со стороны падишаха, по случаю высочайшего восшествия на престол (Махмуда I), то есть в ребиу-ль-ахыре 1143 года (октябрь – ноябрь 1730), Каплан-Герай-хан в третий раз стал повелителем страны Крымской; шум страшного ветра отставки и отрешения разметал листья его (Менглы-Герая) благополучной жизни; немедленно для удаления из пределов Крыма он надел узду поспешения на ветробежного коня отправления».

Такое витиевато-уклончивое объяснение причины отставки Менглы-Герая надо приписать тому, что Сейид-Мухаммед-Риза писал свою историю, должно полагать, при жизни султана Махмуда I (1730 – 1754), при котором все это и случилось. Говоря проще, смена Менглы-Герая случилась одновременно с отречением прежнего султана турецкого Ахмеда III от престола по милости взбунтовавшихся янычар и, без сомнения, в связи с этим последним событием. Но когда читаешь известия о свержении султана Ахмеда III, то невольно приходят на мысль вышеприведенные слова крымского историка, показывающие, что оно было действием какой-то слепой стихии; до того неясны обстоятельства, которыми сопровождалось это свержение; до того необузданность янычарского своеволия в это время утратила всякую осмысленность в своих проявлениях. И Гаммер, и Цинкейзен⁴⁷ повествуют об этом событии на основании мемуаров современников-очевидцев из европейцев, но сообщаемые ими подробности нисколько не проливают света на главные мотивы этого мятежа. Мы знаем, что тогда Турцией объявлена была война Персии. Но не успели еще турки проделать всех

⁴⁶ Менглы-Герай был свергнут (нем.).

⁴⁷ Иоганн Вильгельм Цинкейзен (1803 – 1863) – немецкий историк, публицист.

торжественных церемоний перед открытием кампании, как пришли вести о том, что ненавистные всем персияне совершили вторжение в пределы Османской империи и овладели несколькими городами, входившими в состав ее территории. Вести эти страшно взбудоражили турок, а мягкий и миролюбивый султан и его верховный везирь все медлили с началом похода. Из-за этого и взбесились янычары; ловкие авантюристы воспользовались их мятежным настроением и раздули простое недовольство в открытый бунт в расчете поживиться при случае перемены главы правительства; в особенности тут фигурировали некто Патрона-Халиль и Муслу, простые наглые янычары, которые, в самом деле, и выиграли от этой сумятицы.

Но если не совсем понятно свержение султана Ахмеда III, то еще непонятнее смещение Менгли-Герая-хана. Османский историк Субхи⁴⁸ говорит только, что некоторые из главных мятежников вздумали сделать ханом поселившегося в Брусе Каплан-Герая и послали заявить верховному везиру об этом как об общем желании всех. Верховный везирь признал назначение Каплан-Герая ханом весьма важным и даже необходимым с точки зрения Высокой Державы делом, да только он опасался, как бы это не взбунтовало приверженцев Менгли-Герая, а такое волнение по обстоятельствам дела было бы на руку врагам веры. Чтобы избежать этого, Менгли-Герая было послано новое утверждение его на ханстве и приличные султанские подарки. «А так как, – сказал великий везирь, – ханство Каплан-Герая в существе своем есть дело прекрасное, и по мироукрашающему мнению государеву, заслуживающее одобрения, то ради предосторожности надо несколько повременить: когда Менгли-Герай поуспокоится, тогда можно послать ему грамоту с приглашением как будто бы на совет по некоторым важным делам, а как он отправится из Крыма к Порогу Счастья, то дать ему отставку и с дороги прямо отослать в подобающее место». Но, говорит Субхи, ватага смутьянов слышать не хотела толкований садразам, настаивая на скорейшем приведении в исполнение их предложения и грозя, в противном случае, опять раздуть еще тлевшие искры мятежа. Садразам доложил обо всем султану, и капыджи-кяхья Кара-Мустафа-паша-заде Мустафа-бей был послан на чекдырме⁴⁹ в Брусу за Каплан-Гераем. Но тот по болезни предпочел приехать сухим путем и 23 ребиу-ль-ахыра 1143 года (ноябрь 1730) прибыл в Стамбул для совершения обряда возведения в ханское достоинство. В то же время Менгли-Герай был водворен на жительство в Ямболу мубаширом⁵⁰, отправленным к нему с высочайшим повелением об отставке.

Сейид-Мухаммед-Риза подробно повествует о том, как Менгли-Герай поспешно выехал из своих владений раньше, чем прибыл к нему Абду-л-Ла-бей с султанской грамотой об отставке, с которым они встретились уже в Кыл-Буруне; как в Буджаке некоторые из мятежников, ускользнувшие от его преследований, пытались причинить ему разные неприятности, которых он сумел избежать благодаря лишь своей сообразительности и расторопности, и как, наконец, он, по прибытии в Эдирне, послал человека в Порту с просьбой назначить ему местом жительства остров Хиос или Родос, вследствие чего его и сослали на Родос. Последнее было, надо полагать, делом предосторожности со стороны Менгли-Герая, который считал небезопасным для себя оставаться в Румелии.

⁴⁸ Мехмед Субхи (ум. 1755) – государственный историограф Османской империи с 1739 года.

⁴⁹ Чекдырме – легкий парусный корабль; использовался в качестве посыльного судна.

⁵⁰ Мубашир – чиновник, передающий распоряжения султана местным властям.

Глава III

Возвращение крымских эмигрантов с воцарением Каплан-Герая I. – Каплан-Герай на совете сановников Порты. – Донесения Неплюева своему правительству. – Татарские вспомогательные войска в персидской кампании турок. – Русское вторжение в Крым. – Размышления по этому поводу одного татарского шейха. – Повествования татарских и турецких историков о нашествии русских. – Удачные набеги Фэтх-Герай-хана II. – Вторичное вторжение русских в Крым и произведенные ими там опустошения. – Кяхья верховного везира Осман-ага в роли дипломата. – Вторичное ханствование Менглы-Герая II и его политические соображения

При новом хане Каплан-Герая I (1143 – 1149; 1730 – 1736) главные должности в Крыму опять заняты были теми самыми людьми, которые были в опале при Менглы-Герая: Аадиль-Герай стал калгой, родственник мятежного Абду-сСамада, Фэт-ху-л-Ла-эфенди, – кады-эскером, Кемальага – первым везирем. Между тем старинные слуги Гераев, Хаджи-Мердан-Али-ага и Абу-с-Сууд-эфенди, снова подверглись гонению со стороны воцарившегося в третий раз Каплан-Герая. Абу-с-Сууд так и умер в опале.

В «Краткой истории» еще решительнее говорится о том, как с воцарением Каплан-Герая снова собрались в Крыму и были приняты с почетом лица, находившиеся дотоле – кто в бегах, кто в ссылке, как, например, жившие у калмыков ДжанТимур-бек и Кемальага, Мухаммед-ага, бежавший в Польшу Эр-мурза и другие, которые теперь позанимали

видные должностные места в ханстве. Это обстоятельство дает ключ к разгадке неожиданной смены Менгли-Герая. Прогнанные им мятежники, очевидно, не дремали: они воспользовались замешательством в самой Порте, возникшим вследствие бунта янычар и отречения султана Ахмеда III, чтобы свергнуть ненавистного им хана, чего и достигли с помощью янычар, среди которых у них, без сомнения, были их приятели; вспомним, как главный бунтарь Джан-Тимур спасся от преследования благодаря защите янычарского отряда, несшего гарнизонную службу в Азове. Сам же по себе Каплан-Герай своей личностью не мог представлять никакого интереса для возмущившихся янычар, с которыми у него ничего не было общего: напротив, когда высокопоставленные «благожелатели государства», уже по воцарении султана Махмуда I, начали тайно собираться и обдумывать меры к окончательному подавлению все еще продолжавшегося брожения, то в числе этих «благожелателей» находился и Каплан-Герай.

Одновременно с этим внутренним вопросом государственные сановники Порты обсуждали также и вопросы внешней политики, а именно дела персидские, подавшие повод к внутреннему перевороту. На заседании, происходившем у верховного везира 13 джемазиу-ль-эввеля 1143 года (24 ноября 1730), Каплан-Герай-хан произнес очень дельную речь, в которой убедительно доказывал, что в таком сложном вопросе, как отношения с Персией, следует проявить осторожность. Когда прочитаны были бумаги, полученные от багдадского губернатора Ахмед-паши, и только что пришедшая от персидского посланника Риза-Кулы-хана нота, хан сказал: «Что же – будет ли заключен мир на основании переговоров, бывших при Ибрагим-паше (прежнем великом везире), или же будет объявлена война? Но ведь надо иметь в виду союз московов с персами: война против одних необходимо вызовет войну с другими; надо быть готовым иметь дело с обеими сторонами! И что же – будет ли в одну сторону назначен верховный везирь, а в другую сераскер? Такое серьезное дело трудно решить в одно заседание. Пусть присутствующие здесь аяны и сановники обдумают, что дурного и что хорошего в мире и в войне, а мы (то есть он сам) прочтем договоры Высокой Державы с московами и другими гяурами, а потом уже и посоветуемся и потолкуем, как лучше поступить!» На другой день рано поутру члены совета собрались опять и решили начинать войну с Персией, так как, по их заключению, эта война не представляла явных поводов к нарушению мира ни с московами, ни с другими гяурами. Но любопытно то, что это заседание совета вместе с такой чисто политической целью соединяло еще и другую – послужить ловушкой для главных вожаков мятежа, которые теперь в качестве важных сановников тоже присутствовали. Заранее подготовленная резня не состоялась тут же в совете только по нерешительному и как будто двусмысленному поведению крымского хана; впрочем, кровавая расправа осуществилась немного позже.

Ввиду такого осторожного до мнительности поведения хана, сообщенный русскому правительству Неплюевым⁵¹ слух о том, что хан будто бы вооружал Порту против России, очевидно, был неверен. Неверно и то, что Неплюев писал о тогдашнем отношении Порты к крымскому хану – что будто, если бы только хан позволил себе хоть малую дерзость против России, то он был бы «не только смнен, но и смертью казнен». Или муфти и сановники, говорившие это Неплюеву, бессовестно ему лгали, пользуясь незнанием со стороны нашего дипломата правовых отношений крымского хана и Порты, или же Неплюев сам приукрасил услышанное от турецких сановников собственными догадками, не предполагая в них ничего страшного и невозможного.

Из донесений Неплюева, как они передаются в истории Соловьева⁵², не видно также, чтобы ему было хоть что-нибудь известно о положении внутренних дел в Крыму. Если у

⁵¹ Иван Иванович Неплюев (1693 – 1773) – дипломат, русский резидент в Стамбуле в 1721 – 1734 годах, адмирал.

⁵² Сергей Михайлович Соловьев (1820 – 1879) – русский историк, профессор Московского университета (с 1848), ректор

Менглы-Герай-хана II при отсылке войск в Персию был расчет удалить таким образом беспокойных людей из страны, то Каплан-Герай-хан не имел нужды в такой диверсии. Поэтому если подкупленные Неплюевым турецкие чиновники и дали ему знать, что к хану отправлены указы не подавать ни малейшего повода к ссоре с Россией, дружба которой была очень нужна Порте, то, с другой стороны, по свидетельству турецких историков, Порты, напротив того, прямо давала хану формальные предписания отправлять своих воинов на подмогу османской армии против персов.

Хан сначала послал свое войско под начальством царевичей, а сам отправился к Бендерам и Хотину для содействия возведению в польские короли Станислава Лещинского⁵³. Царевичи встретили сопротивление со стороны русских отрядов при прохождении путей, лежавших на русских территориях, но преодолели это сопротивление при помощи чеченского бека Ай-Тимура. Затем в 1147 году (1734 – 1735) хан, несмотря на старость лет, решился отправиться самолично в поход во главе 80-тысячного войска, вверив охрану Крыма калге Аадиль-Гераю и Кемаль-аге. По пути он раздавал мелким черкесским владетелям от имени султана награды – знамена, барабаны, шубы и деньги. Когда до сведения хана дошло, что Кёпрюлю-заде Абду-л-Ла-паша потерпел поражение в битве с Тагмасп-Кулыханом⁵⁴, то хан не воротился назад, а по своей чингизидской храбрости, говорит крымский историк, через Дербент поспешил вперед. Но как раз в эту пору, в конце 1735 года, русские предприняли нашествие на Крым, рассчитывая на то, что его некому теперь защищать, так как и хан, и большая часть народа, способного носить оружие, были в отлучке. Правда, по другим данным, зимняя пора и недостаток провианта затруднили движение ханского отряда, так что хан, дойдя до Кабарды, там и остановился, а весной уже повернул домой в Крым. Персидская война в это время пришла к концу, а русские обнаруживали все большую и большую против турок или, вернее, против татар враждебность, так что султан послал хану приказ немедленно явиться в Порту для обсуждения усложнившихся обстоятельств. Стало быть, и в этом случае Каплан-Герай был прав, когда на совете Порты предусматривал возможность вмешательства России в войну Порты с Персией. Но насколько он был сообразительный политик, настолько оказался несостоятельным как военачальник: ему пришлось быть свидетелем небывалого в истории Крыма явления – погрома и опустошения, произведенного русскими в самых центральных местностях ханства, вторгшимися туда под начальством Миниха⁵⁵. Составитель «Краткой истории», не входя ни в какую оценку случившегося факта, передает некоторые подробности, которые рассказаны у него довольно правдиво и согласно с нашими русскими источниками. Сейид-Мухаммед-Риза же приписывает все несчастье развившейся среди крымских вельмож гордости и соперничеству, а в войске – слабости и малодушию, вследствие чего не стало, говорит он, у них порядка и сообразительности. В доказательство этого он приводит целиком записку одного из крымских шейхов и важных лиц, близко знавшего все обстоятельства.

Московского университета (1871 – 1877), академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук.

⁵³ Станислав I Лещинский (1677 – 1766) – король Польский и великий князь Литовский в 1704 – 1709 и в 1733 – 1734 годах. В данном случае речь идет о втором его избрании польским королем.

⁵⁴ Надир-шах Афшар, известен также как Надир-кули хан и Тахмасп-кули хан (1688 – 1747) – шах Ирана в 1736 – 1747 годах, основатель династии Афшаридов. Создал мощную империю, включившую в свой состав Афганистан, Среднюю Азию, часть Индии, Закавказье, Восточный Ирак.

⁵⁵ Христофор Антонович Миних, Бурхард Кристоф фон Мюнних (1683 – 1767) – сподвижник Петра I, генерал-фельдмаршал (1732), подполковник Преображенского лейб-гвардии полка (1739), граф (1728); инженер, строитель Ладожского канала. После переезда в 1727 году двора императора Петр II в Москву – «правитель» Санкт-Петербурга, в 1728 – 1734 годах – генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии. Сыграл решающую роль в свержении Бирона, регента при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче. Во время Русско-турецкой войны 1735 – 1739 годов командовал русскими войсками в Крыму и Бессарабии.

Как и следовало ожидать от благочестивого автора этой записки, общую причину бедствия своего отечества он полагает в том, что крымцы забыли Бога, изменили Его заповедям, прилепившись к благам сего тленного мира, за что и понесли должное возмездие. «Чему же, – восклицает он, – как не попущению Божию, приписать то, что сегодня великие султаны и почтенные везири предпримут что-нибудь умное и резонное, а завтра сделают опять как раз наоборот; что ни один человек не желал быть побежденным и пораженным, а между тем все обстоятельства делали неминуемым поражение?!» Такова была причина внутренняя, сокровенная – себэби маанависи – события. Причин же видимых, внешних – себэби сурийиси, – говорит он, и не счесть и приводит только некоторые, расположив их в семи пунктах. Вот эти пункты. 1) Во время возвращения из Дербента крымцы слишком много времени провели в степи и не позаботились о приведении в надлежащий вид рва; а когда хватились, то было уже поздно: неприятель подошел. 2) Они отвергли помощь капудан-паши, шедшего было на помощь к Гёзлеве, а потом стали просить, да уж он не согласился. 3) При встрече в Ялынгыз-Агаче с неприятелем часть из них в страхе разбежалась, остальную можно было бы разбить и лишиться смелости идти в Крым, да хан не дал пушек, когда их у него просили. 4) При встрече с неприятелем в Канлычаке войска, прекрасно выстроившись в боевой порядок, страстно желали сразиться, да их не пускали; а когда несколько бестолковых татар пустились, то гяуры выставили белые знамена; случилось, что около ханского экипажа упала бомба, – хан повернул назад, и все войско тоже невольно дало тыл. 5) Говорили, что канлыкчакские колодцы закопают и неприятель останется без воды, а скот его без корма; а он выкопал чистые колодцы, вошел в крепость, сделал там хлебопекарные печи; держал в своей власти окрестных татар и воспрепятствовал буджакскому войску оказать помощь. 6) Войско исламское не стеснило лагеря русских. Гяуры, пройдясь около крепости, беспрепятственно разузнали о состоянии рва, а потом, высмотрев пустое во рву место, вошли внутрь его. Мусульманские войска говорили только: «Постоим там, куда не хватают пушки; постережем крепость», – и на это не было дано согласия. В тот день остановились в местечке Четэрлике: а бывшие в крепости гарнизонные сдались на капитуляцию, и крепости у нас не стало. 7) Говорили: «Закопаем колодцы, а сами, не слезая с коней, будем стоять близ стана неприятеля. Бог даст, трех дней не пройдет, как неприятель от жажды ослабнет и не найдет спасения». А между тем колодцы не были закрыты; а сами каждую ночь находились в четырех-пяти часах расстояния от русского лагеря. Ежедневно поутру один раз подойдут к лагерю, погарцуют, но при первом же пушечном выстреле рассеются и уж не остановятся ближе, как отойдя на четыре-пять часов расстояния; а враг, узнав наше положение, без всякого страха и опасения поступал, как ему хотелось. Если бы не было капудан-паши, то не осталось бы ни города Кара-Су, ни Кафы. А как русские пришли в Ак-Мечеть, то всеми овладело отчаяние. Эмиры разделились на две части: одни вошли в союз с ногайскими мурзами; другие пустились бежать во владения оттоманские.

При такой трусости и малодушии крымцев и при отсутствии в них единодушия, говорит Сейид-Мухаммед-Риза, неприятель мог быть задержан в своих опустошительных действиях одним лишь мечом Божиим вроде чумы и холеры, которая страшно свирепствовала в его лагере и породила там панику, так что он должен был вернуться восвояси.

Что же делал хан после этого погрома, беспрепятственно произведенного русскими в его владениях? Что ему оставалось после этого делать, как не отправляться снова в ссылку, из которой он так неожиданно на старости лет выступил на сцену в качестве политического деятеля? Сейид-Мухаммед-Риза так замысловато выразился об отставке Каплан-Герая: «Когда носимое в утробе блудной матери батардов... гнусно-нравное детище мятежа и волнения родилось во время тяжелой беременности управления Каплан-Герая-хана, то это было приписано его плохому повивальному искусству, и он был в ребиу-ль-ахыре 1149 года (август 1736) отставлен, а назначен калга Фэтх-Герай-султан». Каплан-Герай был сослан сначала по

болезни на остров Хиос; потом, по представлению и просьбе нового хана, был переведен в Галлиполи, затем опять отправлен на вышеупомянутый остров. После просил он разрешения поселиться в Брусе или в своем чифтликке, но, не дождавшись разрешения, умер в шабанах 1151 года (ноябрь 1738) и схоронен, согласно его завещанию, в местечке Чешме, лежащем напротив Хиоса.

Если крымский историк так неодобительно отзываясь о поведении своих соотечественников во время нашествия русских, то историк турецкий, напротив, всю беду приписывает исключительно личным качествам хана Каплан-Герая. 20 мая 1736 года Миних донес своему правительству, что он уже в Крыму и что хан «с огромным войском» отброшен: турецкий же историк называет татарское войско «каплей в море» в сравнении с русским; говорит, что у татар не было и оружия-то другого, кроме стрел да сабель. Приписываемая у него татарам бдительность, с которой они денно и ночью окружали неприятельский лагерь, хватая выходивших из него, подтверждается и русскими известиями, вопреки обвинению их в совершенной бездеятельности, которое мы видели в записке крымского шейха. Любопытно поэтому знать, как турецкий историк смотрит на событие, составляющее эпоху в истории Крымского ханства. «Летописи османского дома, – говорит Субхи, – изукрашены известиями о том, как обыкновенно были побиваемы и истребляемы презренные враги всякий раз, когда они дерзали простирать свои стопы, со злостной целью и пакостным намерением, к Крымскому полуострову, искони служащему предметом жадных взоров христианских наций. Случившееся же в этом благословенном году происшествие есть никогда не слыханная и не виданная вещь: это всем и каждому известно. В эту пору бывший ханом в Крыму Каплан-Герай-хан не в состоянии был жить в ладах с населением страны той: показывал ко всем презрение и чрез это отвратил от себя султанов и мурз и озлобил их. Во время битв и сражений он, против их правил, с грубой бесцеремонностью оскорблял всех и каждого противным обычаю холодным обращением. Вследствие этого большинство их вышло из повиновения и послушания, и всякий из них стал склонен к высокомерию и бунту. Порядок и устройство упомянутого владения находились в состоянии разрезанных ножницами оппозиции и смуты. Когда появилось погибельное войско (неприятельское), то все аяны и вельможи растерялись мыслями, и между ними не было единства и согласия. Кроме того, хан, будучи стар и страдая параличом, не мог ездить верхом, а с этим сопряжено было дурное его распоряжение, вследствие чего пола государства и народа была выпачкана грязью вражеского пребывания. После того ясно было, что уже нечего надеяться и предполагать каких-либо со стороны хана услуг, полезных вере и державе; очевидно было, что в таком случае отставка его была благодетельной и полезной как для Высокой Порты, так и для него самого. Он и был отрешен и смещен с ханского трона с предоставлением ему права жить, где он пожелает. Затем сочтен достойным ханского трона Фэтх-Герай-султан, бывший калгою и уже доказавший свое следование по хорошему пути в распоряжении властью и государством». Поэтому ему посланы были султанская грамота и регалии; а для личных переговоров с ним насчет дел кампании и укрепления границ он приглашен был в действующую армию в Исакчи. Там его торжественно встретили, короновали и угощали в течение пятнадцати дней. Там же он имел совещание с хотинским комендантом Колчак-пашою и молдавским воеводой Лигуром насчет пограничных укреплений.

Автор «Краткой истории» говорит, что когда русские стали умирать, что невозможно было успевать хоронить их трупы, и они на девяностый день своего вторжения в Крым опять вышли из него, то хан стоял на месте за Перекопом в Ялынгыз-Агаче; о храбрости же калги Фэтх-Герая дошел слух до падишаха, и к 1149 году капыджи-баши привез ему на корабле диплом на ханство. А Сейид-Мухаммед-Риза проще объясняет дело. «В бытность свою в Стамбуле, – говорит он, – Фэтх-Герай завел связи и дружбу с государственными сановниками и, обладая уже степенью калги, подготавливал себе получение и ханского достоинства: когда

сделалась необходима отставка Каплан-Герая, то ключом благодати Господа человеков отперлась дверь желаний Фэтх-Герая». По словам Ризы выходит, что к возвышению Фэтх-Герая столько же способствовали личные доблести, сколько связи и протекции влиятельных лиц Порты. Правда, что при тогдашней продажности турецкой администрации никакие заслуги не обеспечивали никаких прав на должную оценку их правительством без подкупа тех, в чьих руках находилась эта оценка; тем не менее в деятельности Фэтх-Герая многое говорит в его пользу. Во время персидской войны он не раз спасал османские войска от преследования и избиения их персами. Он выказал себя совершеннейшим джентльменом, находясь в осаде в крепости Гяндже. Когда пришел парламентар с предложением о сдаче крепости и выдаче беглого персидского эмира Казым-хана, то Али-паша, османский сераскер, готов был уже согласиться; но Фэтх-Герай тогда сказал: «Казым-хан пришел к нам, а мы его выдадим, чтобы спасти себя! Уж лучше с честью умереть, чем жить бесчестно: если уж выходить, так выходить с честью!» Недаром же потом его пригласили в действующую армию по назначении уже ханом и чествовали в течение целых шести недель, осыпая подарками и его самого, и его свиту, состоявшую более чем из сорока человек крымских эмиров. Там на военном совете мнение Фэтх-Герая, как человека опытного в военном деле, было принято к сведению и исполнению военачальниками, хотя это мнение было им не совсем по вкусу: хан настаивал на том, чтобы армия не возвращалась в столицу, а оставалась зимовать на Дунае, потому что, говорил он, необходимо отомстить врагам, причинившим им столько горя. И в самом деле: в ту же зиму Фэтх-Герай с огромным татарским войском перешел за Днепр и произвел ужасное опустошение на Украине. Крымский историк говорит, что «добыча, награбленная в этот набег, была так велика, что ни языком пересказать, ни пером описать нельзя». А историк Субхи сотнями тысяч считает забранных тогда татарами русских пленников. В то же время нур-эд-дин Махмуд-Герай и кубанский сераскер Селим-Герай-султан, сын раньше упоминавшегося мятежного Бахты-Герая, производили опустошение по берегам реки Дона. Странно только, что про этот опустошительный набег татар, получивший даже среди них особое обозначение Беш-баш – Пятиглавого, – едва упоминается, и то вскользь, русскими источниками. «Татары иногда прорывались через линию, и хотя им не позволяли больших разбоев, но естественно рождался у некоторых вопрос: к чему же служил поход фельдмаршала Миниха в Крым?..» – говорит про описываемую пору Соловьев. В показаниях турецких и крымских авторов есть, без сомнения, преувеличения; но и наши тогдашние военачальники, должно думать, о многом умалчивали в своих донесениях, благоразумно предпочитая повторять заветное: «все обстоит благополучно».

Но не надолго ожили, по выражению «Краткой истории», упавшие духом от нищеты и крайности крымцы после таких деяний «победоименного⁵⁶ и мужественного хана, который... возвратившись в Крым и остановившись в Кара-Су, своей милостивой рукою ущедрил бедняков-крымцев, так что, благодаря этому победоносному походу, все исламское войско, крымское и ногайское, одинаково обогатилось». В следующем же 1150 году (1737), говорит Сейид-Мухаммед-Риза, «проклятые москowsы опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма и вдруг дерзнули предать разрушению и опустошению город Кара-Су. Хотя по мере возможности и старались оказать им сопротивление, но ни хан, ни жители не в силах были устоять против многочисленности огненного крещения проклятников; все от мала до велика повергнуты были в смущение и потеряли голову. В эти-то дни, в силу изречения “Цари вдохновляются свыше”, по высочайшему государеву разуму и по великой падишаховой милости миродержавная воля относительно того, чтобы Крымское ханство было поручено прежде правившему татарскими владениями и потом водворенному на острове Родосе Менглы-Гераю, совпала с определением Всевышнего Господа».

⁵⁶ Имя Фэтх с арабского языка значит «победа».

Вторично русские вторглись в Крым под начальством Леси⁵⁷. По Сейид-Мухаммед-Ризе, «сераскер османского войска, наблюдавший за Арабатом, и хан, стоявший с татарским войском за Перекопом, услышали о движении неприятеля, когда он достиг уже местечка Бин-Дэирмен по пути к Кара-Су. Ночь они провели близ неприятеля. К утру извещен был и паша. Затем, когда стали жечь Кара-Су, подоспел сераскер-паша и издали, из местечка Ак-Ор, начал стрелять из больших орудий. Тогда неприятели, говоря: “Турки пришли!” – не могли совсем выжечь город и бросили. Калмыкам попало великое множество Мухаммедова народа в плен. При возвращении их подоспел калга Арслан-Герай, вступил с ними в бой и спас пленных мусульман из рук гяуров. Затем мерзкий табор воротился, прошел через Джунгар и пошел в свою адскую сторону. В то же время проклятые немцы⁵⁸ завоевали из османских провинций крепости Ниш и Валахию, а московские гяуры – крепость Очаков. Неверные окружили мусульман со всех сторон, и сановники пожелали мира. Везирь Сияхдар-Мухаммед-паша⁵⁹ был отрешен, и назначен Мухсин-Оглу-Абду-л-Ла-паша⁶⁰; Фэтх-Герай в том же 1150 году (1737) получил отставку». Кампания Леси, совершившаяся с мая по июль месяц включительно, происходила и по русским известиям так же точно, как она описана крымским историком, за исключением того, что в них не упоминается о каких-либо успешных действиях калги Арслан-Герая со стороны татар, а только сообщается, что «за 29 верст от Карасу-Базара Леси встретил татарское войско под предводительством самого хана, разбил и гнал его 15 верст до самых гор, которые скрыли бегущих», и что потом «неприятельские нападения не причиняли большого урона».

Турецкий же летописец Субхи сохранил лишь известие о набеге Фэтх-Герая на русские окраины и производившихся им в течение пятидесяти дней там опустошениях, причем захваченных им пленников считает сотнями тысяч. Подробно описывает он также и взятие русскими Очакова; про вторжение же русских в Крым не говорит ни слова, а прямо потом вкратце упоминает о вторичном назначении ханом Менглы-Герая, не приводя никаких мотивов такой внезапной смены крымского правителя. Может быть, эти вторжения от частого их повторения утратили в глазах турецких бытописателей свою необычайность так, что они не считали их заслуживающими особенного внимания. Уже потом, рассказывая о нашествии русских на Крым при следующем хане Менглы-Герая в 1151 году (1738), Субхи начинает свое повествование такими словами: «Когда стало очевидно и несомненно наглое намерение московских гяуров проникнуть на Крымский полуостров подобно прошлому году через проход Оба, теперешний хан Менглы-Герай собрал сильное татарское войско и лично двинул его к вышеозначенному месту».

Любопытно, что и Гаммер также ни единым словом не обмолвился насчет похода русских в Крым при Фэтх-Герая, удовольствовавшись замечкой, что потеря Очакова (который взят русскими 2 июля 1737 года) стоила кяхья-бею Осман-аге головы, а верховному везиру и крымскому хану их мест. Каким образом, спрашивается, хан мог быть ответственен даже пред самым бессовестным судом за потерю турецкими военачальниками Очакова, когда в это время он должен был иметь дело с неприятелем, вторгшимся в самые недра его собственных владений? Мало того: у самого Субхи, на которого ссылается и Гаммер, превосходно изображен весь ход дипломатической и военной кампании, стоившей туркам Очакова. Главный

⁵⁷ Петр Петрович Ласси (Леси), урожденный Пирс Эдмонд де Лэйси (1678 – 1751) – русский полководец, генерал-фельдмаршал (1736), граф. По происхождению ирландец. Поступил на русскую службу в 1700 году. Отличился в сражениях Северной войны, тяжело был ранен во время Полтавского сражения. Успешно руководил войсками во время Азовского (1736) и Крымского (1738 – 1739) походов. Был главнокомандующим русскими войсками во время войны со Швецией (1741 – 1743).

⁵⁸ Союзником России в этой войне была Австрия.

⁵⁹ Сияхдар Сейид Мехмед-паша – великий везирь с января 1736 по август 1737 года.

⁶⁰ Мухсинзаде Абдулла-паша – великий везирь с августа по декабрь 1737 года.

виновник бедствия был Осман-ага, которому поделом и отрубили голову. Этот чудака в переговорах с австрийским послом, хлопотавшим, в качестве посредника, о мире между Портой и Россией, наболтал ужасного вздора вроде того, что, мол, «мы слабые создания и никоим образом не рассчитываем на многочисленность своих войск и на наши силы, а возлагаем все свое упование на помощь и милосердие Господа Бога». Думал ли кяхья-бей Осман такими наивными речами растрогать европейского дипломата? Как бы то ни было, крымского хана сместили вовсе не за Очаков, а за то, что он не сумел защитить своих владений от вторжения русских, а еще слыл за очень храброго и опытного вояку. Водворенный в деревне Чакуллы в Визском округе, он более уже не вступал на политическую арену, а так и умер в отставке в 1159 году (1746). Причину такого быстрого удаления Фэтх-Герая надо искать в том, что Порта, находясь в довольно трудных обстоятельствах, нуждалась в содействии умного человека, каким слыл и точно был Менглы-Герай, а потому и придрались к первому случаю, чтобы снова посадить его на ханство.

Менглы-Герай-хан II (1150 – 1152; 1737 – 1740), вторично получив власть, тотчас же показал себя деятельным человеком. Отправив на корабле калгу Селямэт-Герая в Крым, а нур-эддина Салих-Герая в Буджак к Генджэ-Али-паше, сам он некоторое время оставался в османском лагере, а потом отправился в набег на русские пределы. Калга же должен был идти туда с татарским войском из Крыма. Но последний не пошел дальше Йилки-Сую (Кобыльих Вод): случилась страшная буря с ливнем, и погибло множество лошадей и народа. Хан же в пятнадцать дней добрался до укрепления Юрум на берегу реки Бузука, где и остановился, совершая набеги по окрестностям. В той же стороне зимовал Леси. Вслед за мусульманским войском бросилось две-три тысячи гяуров-солдат; много лошадей пало; но как бы то ни было, а в Крым вошли. А за Перекопом зимовал Мухаммед-мурза едисанский с двумя тысячами войска; он поспешно перешел через Днепр переправой, именуемой Уч-Кат, и татары показали тут свое крымское искусство; в эту кампанию заболел и вскоре по прибытии в Бакче-Сарай умер нур-эд-дин Салих-Герай.

Так, довольно неопределенно, описывает автор «Краткой истории» какие-то татарские экскурсии в русские пределы – вероятно, один из тех грабительских набегов, которые производились татарами почти непрерывно, лишь только их заманивала к этому безнаказанность. Вслед за тем рассказывается о третьем походе русских в Крым под начальством Леси в том же 1150 – 1151 году (1738), уже совершенно согласно со сведениями наших историков и турецких. Есть, впрочем, несколько подробностей, показывающих, что поход этот был не особенно блестящ: взяв и взорвав Перекоп, Леси не пошел дальше, а повернул в свою сторону; татары же и турки пошли за ним вдогонку. Расположившись лагерем в ЯлынгызАгаче, русский главнокомандующий решил провести атаку на татар; произошла схватка в открытом поле, и русский отряд будто бы, не выдержав натиска татар, обратился в бегство, потеряв много убитыми и несколько пушек, причем на стороне татар пали из ширинских мурз Абу-Саид-мурза, ЭльхаджАли-паша-заде Селямэт-ага и Науман-Герай-султан. По всему вероятно, тут описывается одна из удачных для крымцев схваток, о которых упоминается и в мемуарах австрийского капитана Парадиса, бывшего очевидцем того, как 13 августа русские потеряли 1200 человек и более 2000 скота и лошадей: «Татары порубили и угнали их в двухстах шагах от фрунта».

Что Менглы-Герай-хан пользовался значительным авторитетом в глазах оттоманского правительства, явствует из того, что когда завязались переговоры о мире, то реисуль-кыттаб⁶¹ Мустафа-эфенди и мектюби⁶² верховного везиря Рагыб-Мухаммед-эфенди 27 шевваля

⁶¹ Реис-уль-кыттаб, реис-эфенди – в Османской империи чиновник, занимавший пост, соответствовавший посту министра иностранных дел.

⁶² Мектюби – секретарь.

1151 года (7 февраля 1739) были командированы к нему для выслушивания его мнения. Речь Менглы-Герая, которую он держал перед явившимися к нему турецкими чиновниками, очень большая и содержит в себе весьма любопытные политические соображения. Согласно Субхи, прежде всего он выразил удовольствие, что переговоры ведутся секретно и с должной осторожностью. Потом он указал на бывавшие случаи, что Высокая Порта, потерпев от неприятелей поражение, соглашалась на мир, а следовательно, теперь, когда приходится ей иметь дело с двумя врагами разом и ей несколько посчастливилось, без всякого сомнения, следует, безусловно, предпочесть «победоносный мир неизвестной по своим результатам войне», благо немцы (то есть австрийцы) сами теперь желают мира, чего уж давно, говорит, не бывало. Что же касается московцев, то если они согласятся на срытие Азова, то тогда нечего и раздумывать: прекрасно. Если же взамен этого предъявят соответственные претензии или совсем станут упорствовать, то, судя по обстоятельствам времени и глядя на отчаянное положение крымцев, кажется, нельзя останавливаться и в принятии этого пункта, потому что нет особенной пользы нам владеть Азовом: все равно гяурам легче брать его, так как он ближе к ним, а мы по дальности расстояния не можем подавать ему вовремя помощь, и уж сколько раз они овладевали им! Не может он также служить и помехой гяурам, если они захотят выйти в Черное море: это уже доказано опытом раньше, когда Азов был еще в османской власти. Гораздо лучше, если потребные на эту крепость суммы будут обращены на укрепление Тамани, Ачуева и Ени-Кале: это будет понадежнее. Вот опасно для Черного моря и Крыма, когда бы в руках неприятеля остались Очаков и Кыл-Бурун; а об Азове не стоит и толковать много: в вопросе о мире он не может служить помехой. Татары вот, правда, искони питают отвращение к миру и вечно жаждут войны, особенно в последние годы, когда они пришли в крайность и отчаянное положение. «Перед отъездом в Порту, – говорит хан, – я собрал к себе аянов и старейших из жителей и спрашиваю их насчет мира и войны; а они отвечали, что если мир и будет заключен, то им, глядя по времени и обстоятельствам, от этого большой благодати не будет. А когда я им по поводу Азова поставил на вид, что когда находился он и в их руках, то к чему они чрез это были способны, так и они, наконец, тоже согласились с тем, что мир, пожалуй, лучше». В заключение хан посоветовал чиновникам внимательнее рассмотреть и обдумать могущие понадобиться акты о разграничении – худуд-намэлэр – да географические карты, с тем чтобы потом, коли угодно будет верховному везиру, тоже бы показали ему их и он бы посмотрел их на конференции.

В этих словах Менглы-Герая действительно много было правды и некоторой политической прозорливости. Ясно было, что дни Крыма сочтены и попадание его под власть России стало вопросом весьма недалекого будущего. Устами опытного и понимавшего ход событий хана засвидетельствовано бедственное экономическое положение татар и вследствие того упадок духа их, а также указаны и те стратегические пункты, с которыми тесно связана была судьба полуострова. При этих условиях, созданных вековыми отношениями ханства к Османской Порте, ничто уже не могло отвести грозившей ему участи падения; отдельные способные личности, к каким, без сомнения, принадлежал Менглы-Герай-хан II, не в состоянии были воссоздать того, что временем и историей обречено было на разрушение.

После того Менглы-Герай-хан входил еще в некоторые распоряжения Порты, касавшиеся Крыма; но вскоре он умер. Смерть его совпала, по словам автора «Краткой истории», с походом тридцатитысячного русского отряда из Азова на Кубань, сухим путем и морем. Взяв крепость Ачу, русские начали бомбардировать Ата-Шаги. Крепость уже стала разрушаться; но в одну ночь поднялась страшная буря, и больше тысячи неприятельских лодок было разбито; морским прибоем затопило рвы, причем много неверных потонуло. Бросив свое имущество, они удалились. Когда пришло известие об этом, хан находился в древнем Кара-Гёз. Во время своего пребывания там он захворал и прибыл в Кара-Су. Пролежав там

несколько дней, он вернулся в Бакче-Сарай и тут 29 рамазана 1152 года (30 декабря 1739) отправился на тот свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.